

ДМИТРИЙ БЕЗУГЛАЙ

ОТДЫХ ПО ПЯТНИЦАМ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дмитрий Безуглый

Отдых по пятницам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38576216

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-92000-2

Аннотация

Лихие 90-е. Герой романа Данила Воронцов – потомок знаменитого графа, героя войны 1812-го года Михаила Семеновича Воронцова. В погоне за легкой наживой он оказывается втянут в авантюрную историю, связанную с кражей вещи, которая представляет огромную ценность для криминала и руководства города. Завладев ею, Данила сталкивается с начавшейся войной между уголовными авторитетами. Он скрывается от преследования, а приключения героя насыщены комедийными и одновременно с этим жестокими событиями, характеризующими период времени начала 90-х годов. Читая книгу, словно погружаешься в динамичный сюжет сериала...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая. Сладкий запах смерти	4
Глава 1	4
Глава 2	32
Глава 3	54
Глава 4	69
Глава 5	82
Глава 6	89
Глава 7	113
Глава 8	119
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Дмитрий Безуглый

Отдых по пятницам

Часть первая.

Сладкий запах смерти

Глава 1

Ласковый и нежный ветерок, слегка прохладный, шелестел вокруг меня, щекоча лицо и шею. Он ненавязчиво заставлял всю растительность вокруг приходить в ленивое, томное движение. Сгустившаяся темнота упоительного весеннего теплого пятничного вечера умиротворяла, обволакивала блаженством единения с природой. А звенящая тишина, нарушаемая редко появляющимися случайными звуками, задевала самые потаенные струны души человеческой, навевая ощущение полнейшего романтизма...

Но только не для меня. И не сегодня. "Почему?", – спросите вы? Да потому, что именно в такой погожий вечерок мое единение с природой произошло аккурат в засанных кустах неподалеку от ночного клуба "Конго", куда неожиданно прибыл отряд ОМОНа, а я, благо дело, сумел кое-как незаметно

ретиrowаться из прокуренного всеми сортами табака и травки помещения наружу. Теперь вот сижу, как суслик у дороги, – притаившись и без движения, дабы до окончания облавы ничем не выдать свое пребывание здесь. И случается же такое! Ходишь по земле тихо да мирно, почти никого не трогаешь, всем мило улыбаешься (не часто, но все же), о плохом не думаешь. Ан на тебе! Все враз кувыркoм. Как не заладится с самого утра, так и пойдет весь день наперекосяк. И ладно бы день, а то и два, и даже куда больше! А что? Разве у вас не так? Вот и я именно сейчас подумал об этом же, боясь шелохнуться. Да что там шелохнуться, – дышать опасался, вздохнуть или кашлянуть громко. Э-э-э... простите, оговорился; вообще-то я парень смелый, но вот почему-то сию минуту меня пробирали противные мурашки и слегка прошибал мерзкий пот. Посмотрел бы я на кого-то, будь он на моем месте: вокруг ментовской шмон по полной программе, всех вяжут без разбора и добровольно-принудительно пакууют по автобусам. Кого добровольно – еще полбеда, а вот кого силком затягивают, с особым энтузиазмом, так сказать, там уж брат не серчай, – и кулаком в живот засадят, а то и прикладом по башке огреют. Как меня несколькими минутами ранее, правда, не сильно. Преду–преждающе, по затылку. Но иногда убеждаюсь в том, что парень я, по большому счету, фартовый, но с переменным успехом. Бывают все-таки в жизни и белые, и черные полосы, причем иногда сменяются они как-то уж очень быстро, буквально – в одно мгновение, и

я вот на эту минуту не понимал, какого цвета полоса наступила для меня. Вроде как и попал в передрагу, отхватил чуток по затылку, но не настолько сильно, чтобы отключиться, а, с другой стороны, есть шанс, что участь тех бедолаг, которых зашвыривают в автобус без разбора, меня благополучно минует. Однако пока не до форта мне было, абы пронесло. Как-то стыдно становилось, когда представил лица мамы и папы, смотрящие на меня с укором, а между нами решетка СИЗО. И начался денек-то по-идиотски! Сообразить бы вовремя, что выдался он совсем не мой. Но русский мужик всегда умен "задним" умом, да простят меня филологи. А посему сижу я вот тут без движения, притаившись в зарослях, нюхаю букет всякой вони от многочисленных человековывделений, и размышляю: какой черт меня дернул припереться сюда, в ночной клуб, и именно в тот вечер, когда облаву замыслили наши доблестные борцы с преступностью в камуфляжах да масках черных. Но откуда ж я, грешный, мог прознать о готовящемся шмоне? Никто не предупреждал, в народе ни о чем таком не болтали. А раз не болтали, значит – либо сообразили провести рейд на скорую руку, либо слишком это культурно-массовое мероприятие засекретили. Я смахнул рукой капельку пота, нависшую над веком, стараюсь не задеть ветки кустарника. Шум ни к чему. Могут заметить те двое, что боковой выход из подсобки развеселого клуба контролировали, откуда я и проник наружу. А почувую, что в густых кустах мое тело схоронилось, – тогда все.

Крышка. Погулял, что называется, на славу. И снова лица моих предков в воображении замаячили. А началось-то все как!

Утром проснулся, как обычно – голова трещит, в ушах шумит, а во рту такой привкус, словно в нем сотня пакостных котов испражнилась одновременно. Классический похмельный синдром. И вот самое интересное, на мой взгляд, отличительное качество моего организма заключается в том, что я могу нажраться вдрызг, но сколько бы ни выпил – помню все до малейших подробностей. Никогда за всю свою шальную жизнь я так и не смог упиться до состояния полного или хотя бы частичного беспамятства. Зато многие мои друзья-товарищи, когда приложатся к горлышку, на следующий день с умилением твердят о том, что почти ничего не помнят. А мне удивительно такое слышать, потому что я так не могу. Не получается. Да и, с другой стороны, после весело проведенного времени потом тут же все забыть – становится как-то неинтересно. Нечего вспоминать. А зачем тогда гулять на полную, ежели после этого ты как заправский склеротик с дебильной похмельной улыбкой на опухшем лице говоришь каждому встречному, что-де память отшибло напрочь! Не подумайте, что сказ сей идет от лица профессионального алкоголика, просто вчера у моего близкого друга были именины. Оттянулись на славу.

Собственно, именины-то именинами, а вот утром голова трещит, все во рту пересохло, да и в целом состояние не

из лучших, – ощущаешь себя какой-то древней развалиной. Я еле-еле приволок свое изможденное тело в душ, кое-как привел себя в порядок, выпил пару таблеток цитрамона и терпеливо ждал, когда утихнет головная боль и пульсирующие молоточки, а также появится аппетит. Когда все нормализовалось, я решил заехать в магазин автомобильных запчастей купить масло, промывку, фильтры для прохождения техобслуживания, и оставить машину на СТО. Поводов было два: во-первых, мое авто действительно нуждалось в плановом ТО, а во-вторых, колеса мне сегодня ни к чему, так как вечером вся наша шумная компания собиралась в ночном клубе "Конго" для веселого времяпровождения. Пятница ведь! А отдых по пятницам для нас – как самая святая традиция. Не успел я напялить на себя шмотки, как раздалось мерное чириканье птички – звонили в дверь. Часы показывали начало одиннадцатого. В такую рань? Кого это принесло? Подойдя к двери, я случайно опустил взгляд на пол и сердце екнуло: из-под щели между полом и дверью в мою квартиру ленивыми клубами вползал пока еще слабый дым. Что за черт?! Я поспешно принялся крутить замки, а в туго соображающую голову вонзилась мысль – вдруг по мою душу? Резко распахнув дверь, я увидел совершенно пустую площадку, а прямо у моего порога большой ком помянутой бумаги и старых газет, горевших и чадающих едким дымком. Я подался вперед, оглядывая лестничные пролеты, недоумевая над тем, какому придурку пришла в голову мысль сделать ми-

ни-пионерский костер у меня под дверью. Поджечь? Вряд ли. Так не жгут. Сделать пакость? Возможно. Но голова моя, о чем говорил раньше, соображала еще довольно худо, а посему мне ничего не оставалось предпринять, как потушить этот костерок, причем самым простым и доступным способом. Что я, собственно, и сделал ступней своей левой ноги, обутой в туфель. Раздался едва заметный чвакающий звук, и я прочувствовал, как моя нога обильно погрузилась во что-то мягкое. А затем я уловил противный запах дерьма! Ну, суки! Завернули кучу говна в бумагу, подложили мне под дверь и зажгли, зная, что я дома, что выйду и буду тушить огонь именно ногой! А я, как последний лох, досконально знающий многие малолетские примочки, купился! Дружный детский хохот нарушил мою идиллию единения с какашками. Я обернулся и увидел три хохочущие рожи школьников, одна из которых показалась мне знакомой. Видимо, живет в этом же доме.

– Ну, падлы, я вас щас... – заревел я.

Не успел толком развернуться, а этих маленьких сволочей уже и след простыл. Догонять бесполезно. Лучше потом отловить и надавать подзатыльников так, чтобы напрочь отшибло охоту к реализации подобных пакостей. А дерьмом-то пахивало! Мое лицо излучало гамму брезгливости и отвращения, пока я тщательно чистил подошву об ступеньку лестницы, а затем мне пришлось снять туфель и промыть его водой. После этого я убрал все дерьмо и пепел с пло-

щадки (уж так меня воспитали родители – в лучших традициях чистоплотности и аккуратности) и, наконец – таки покинул квартиру. Пеший ход до автостоянки, свежий весенний воздух и мысли о хорошем улучшили мое настроение после недавнего минутного позора. Так сказать, взбодрили. Я уже практически не думал о той гадостной шалости, коей подвергся дерзко и унизительно. Запиликал пейджер. Борька Пономаренко, мой друг по спорту, да и по жизни, просил связаться с ним.

– Эй, Даня!

Я обернулся. Сосед по автостоянке. Старый знакомый моего отца. Невысокий, слегка полноватый дядька в возрасте, с добродушным взглядом, чуть лопоухий, и оттого смешной.

– Здравсьте, дядь Коля.

– Привет. Слушай, помоги, а? – мы пожали друг другу руки, и моя ладонь тут же стала липкой и грязной от машинного масла и мазута. Блин! Ну что за простота? – Мое крыто не заводится. Уж все перебрал, а в чем причина – не соображу.

– Так я ж не...

– Да нет. Ты б меня отволок на СТО, а? Поможешь? Буксировочный у меня есть.

Вот черт! Встрял. Ну не отказать же старому знакомцу папаши?

– Ладно. Сейчас заведуь и подъеду.

– Вот спасибо! Спасибо, Данька. Выручишь! – он вновь

схватил мою руку и затряс ее, вымазывая еще больше.

А я и не сопротивлялся, лишь вздохнул, смирившись с таким беспардонным проявлением чувств.

Когда он побежал к своему железу, я, открыв багажник "Опеля", достал тряпку и принялся драить ладонь. Кое-как вытерев грязь, сел за руль, завел движок, чуть погрел и покати́л навстречу автомобильному терпиле дяде Коле. Прицепились, тронулись и с горем пополам догребли до ближайшего комплекса, где был магазин автозапчастей, СТО и мойка с шиномонтажом. Погода стояла отличная, свежий воздух, полный кислорода, проветривал легкие на "ура", солнышко пригревало. Романтика. Вход в магазин был аккурат рядом с гаражными боксами, где крутили гайки автослесари и работали мойщики, а потому я протянул чуть дальше, и дядя Коля стал как раз напротив него, рядом с чьим-то новеньким "Митсубиши". Оттуда закатить его колымагу на ремонт было несложно.

– Ну, Данька! Спасибо! Подмог, – хорошо еще, что в момент своей искренней признательности он не шлепнул меня грязной рукой по спине.

– Пойдем, дядь Коля. К администратору. Он там, – я кивнул на магазин. – Организуем ремонт вашей жестянке.

Мы направились по назначению. Назвать магазином эту каморку, пропахшую маслами и присадками, было трудно: грязные полы, наспех и неумело сколоченные полки с беспорядочно расставленным товаром, тусклый свет, и туда-сю-

да снующие замызганные работники СТО. При входе, слева, за прилавком, точнее за его слабой пародией, стоял один из продавцов – невысокого роста паренек, такой пухлый и округлившийся, словно пончик в сахарной пудре, и что-то с умной рожей и калькулятором считал, периодически шмыгая носом. Другой продавец был неподалеку, и от нечего делать перебирал какие-то бумажки. Толстого я видел здесь и раньше, а вот этот второй, видимо, новенький. Из клиентов этого чудо-салона был один доходяжного вида типок, внимательно изучающий баллончики с краской, то и дело поправляя очки в роговой оправе на переносице.

– Эээ... ммм... можно вас? – робко, и даже как-то неестественно застенчиво, обратился он к скучающему продавцу.

Молодой паренек пожал плечами, чувствуя себя чуть увереннее покупателя, и молча подошел к нему.

– Простите, а можно как-то сверить цвета... ну... подходит ли он к машине? – спросил очкарик, крутя в руке баллончик с краской.

– Ну да. Нужна только ваша машина, – паренек с видом профессора покрасочных работ взял у покупателя баллончик и открыл колпачок. – Вот здесь есть цвет, видите? Просто сверяем с цветом машины, и все.

– А... понятно. Я тогда подъеду позже... я пешком.

– Хорошо, – чудо-продавец уже теряет интерес к интеллигенту.

И вот тут происходит самое интересное. Паренек, ви-

дать, помимо супермалыра возомнил себя еще и матерым жонглером бродячего цирка. Он подкидывает в руке баллончик с краской, провожая стеснительного клиента слегка презрительным взглядом, и при следующем броске промахивается – баллончик летит прямо на пол, где небольшой кучкой лежат различные мелкие запчасти. Дальше все развивается весьма динамично. Этот баллончик пробивается – из него под давлением начинает фигачить краска на все, что было вокруг и, естественно, на него самого. Но вместо того, чтобы оставить пробитый баллончик на полу, оттолкнуть ногой подальше в угол или сообразить что-то накинуть на него, он с перепугу хватает его в руки и начинает бегать по камерке как ужаленный медведь, заливая все вокруг белой краской.

– Ложись! – рефлекторно заорал я дяде Коле, хотя сам так делать не собирался. Дядя Коля, не раздумывая, словно матерый фронтовик, получивший команду "воздух", послушно плюхнулся на пол, подчиняясь моему крику и страху быть заляпанным краской. И встрял лицом прямо в аккумулятор, стоявший на полу.

– Ай, бля! – заорал он, считая звездочки от сильного удара, а я тем временем шмыгнул за стойку с товаром.

– Ты че это?! – выпучив глаза, тявкнул "пончик", и тут же. – Вали, придурок, на улицу! На улицу!

Наконец-то кретина с баллончиком достигает умная мысль напарника, что надо бежать с ним на улицу. И вдруг я понимаю, что путь к выходу лежит напрямик мимо меня.

Та же мысль посещает, судя по враз перепуганному виду, и толстяка, давшего такой умный совет. Понимая, что сейчас оба будем в краске, мы подрываемся одновременно, как после выстрела на старте, и начинаем ломиться в дверь. Там и встретились! Однако из-за его фигуры в дверной проем протиснулись не сразу, хотя весьма быстро, пиная друг дружку локтями и матерясь на чем свет стоит. За нами выбегает этот олух с баллоном, окончательно весь заляпанный, с выпученными глазами. Но и это еще далеко не всё. Выбежать-то он выбежал, а вот что дальше делать – не знает. А рядом новенький "Митсубиши" ярко-черного цвета и колымага дяди Коли – плотно покрываются мелкой белой крапункой. Из магазина выбегают директор ("Митсубиши", оказывается, его) вместе с дядей Колей, чья рожа слегка подбита после неудачного приземления на аккумулятор, и орут в один голос:

– Еб...й придурок! Выкинь его в кусты! Сука! Пид...с!

Такое слегка резковатое обращение приводит чумного в чувство, и он выкидывает злосчастный баллон, который к тому времени стал почти пустым. Я ржу, как лошадь, от смеха слезы текут по щекам, толстяк также начинает завывать и квакать от хохота. Ржет вся СТО, кроме директора и дяди Коли.

– Че смешного-то? – обижено произнес последний. – Ты на себя глянь, далматинец херов!

Вот черт! Я опустил взгляд и веселое настроение стало исчезать. Все мои шмотки были заляпаны краской, а посмот-

рев в зеркало автомобиля, я увидел свою рожу в белую крапинку.

– Я... я не хотел...я..., – перепугано бормотал новенький продавец, которому предстояло отмываться больше остальных.

Как его не отмудохали – ума не приложу, – но то, что свою зарплату он не увидит еще долго, это к бабке не ходи! Ба-трачить будет, как во времена работоторговли. Не теряя времени, я загнал свой "Опель" в бокс, благо дело судьба "Митсубиши" и дяди Колиной банки его миновала, и помчался домой отмываться. Пешком. То есть перебежками. СТО была неподалеку от дома, потому уже через двадцать минут я прошмыгнул в свою квартиру, нашел подсолнечное масло и принялся оттирать рожу от краски. Со шмотками обстояло куда хуже, но, тем не менее, около двух часов я потратил на то, чтобы привести себя в порядок. Не успел покончить с таким нелегким делом, как затренькала птичка. Вот блин! Если снова эти малолетки чего-то удумали, – уж точно отловлю и головы посворачиваю! Подошел к двери, принялся. Дыма вроде как нет. Дерьмом также не веяло. Прислонился к дверному глазку. Улыбающееся лицо Инги, старой боевой подруги, с которой у меня был ряд незабываемых и весьма приятных жизненных ситуаций (назовем это так). Я открыл дверь.

– Привет, – она еще шире растянула в улыбке размалеванные пухлые губы и подмигнула. – Хозяйничаешь? А я вот

решила в гости зайти.

– Ну, заходи, раз решила.

– Че-то ты неприветливый. Не рад меня видеть?

Она повисла на моей шее, целуя в щеку, оставляя слепок своих "пампушек" на моем лице. Подружка была чуть ниже меня ростом, стройная, с отличной фигурой, все при ней, и обладала неимоверно веселым и задиристым характером, что не отталкивало, а наоборот, – привлекало. Можно было сказать, что она красивая, но черты ее лица были настолько противоречивыми, что могли либо понравиться, либо нет. Мне нравились, собственно, некоторое время мы состояли в тесных отношениях, а после ненадолго расстались. Когда вновь встретились, то эти наши отношения переросли в товарищеские. С тех пор мы просто, можно сказать, дружим, хотя иногда и пробивает покувыркаться в постели, что мы благополучно и делаем. Однако это просто физиологическое удовлетворение друг друга, не более. Нас это вполне устраивало, отчего дружба была ровной и стабильной. Единственное, что мне откровенно в ней не нравилось, так это ее легкомысленное и порой безответственное поведение, которое толкало ее на путь древнего женского промысла. Она не была проституткой в классическом понимании этого слова, просто гулящей девкой, но не с кем попало, а с состоятельными мужиками, чьи кошельки покорно раскрывались перед ее чарами, и делала она такие забеги редко. Ежели "подцепила" какого-то богатея, то отпускала не сразу, стараясь выка-

чать из него побольше, потом находила нового. К такой бесшабашности ее приучила Ксюша, давняя подруга, прожженная стерва и отвязная путана, торгующая своим сладким местом напрапалую, а когда подворачивается состоятельный клиент, – то сразу зовет Ингу. Такой дружбы между ними я не одобрял и часто говорил об этом, но Инга, мило улыбаясь, отмахивалась от меня. Эдакая беспечность крепко раздражала, но все мои выпады в сторону ее подстилки-подруги она неизменно встречала с некой особой несерьезностью, стараясь все перевести в шутку. Обрывала мои нравоучения тем, что вежливо просила заткнуть рот, ибо такая "настоящая" подруга у нее одна – иных нет, и не мне судить о ее увлечениях. Вот те на! Теперь торговать промежностью называлось у них "увлечением"! Хобби не по-нашему. Мне оставалось лишь сожалеть, что Инга иногда бывает просто дурой, раз не понимает, что эта шалава использует ее в своих постельных целях, для роста прибыли. И ей глубоко наплевать на все остальное. Разве это настоящая дружба? Я тепло относился к Инге и действительно искренне переживал за нее, не сомневаясь ни капли в том, что когда-то произойдет нечто, благодаря чему моя беспечная подружка наконец-то осознает мою правоту.

– Чего, и вправду не рад? – корча обиженную гримасу, переспросила Инга.

– Очень рад, – ответил я. – Ты же знаешь. Справка есть?

– Какая справка? – она отодвинулась от меня, недоуменно

глядя своими большими глазами в мои.

– От участкового венеролога. О том, что прошла провер-
ку.

– О-оо... ты опять за свое.

Она отстранилась и пошла в гостиную, как к себе домой,
а я закрыл дверь и двинулся следом, словно гость.

– Во-первых, у нас венерологов нет. Они есть у вас. А у
нас – гинекологи. Но ты не парься, у меня все нормально, а
что? – она плотоядно ухмыльнулась. – Есть предложение?

– Сейчас нет, а потом – не знаю.

– Ты че такой скучный? Случилось что?

– Да нет.

– А раз нет – то сбавай кофейку, угости печеньем. Или
что там у тебя есть. В общем, принимай гостей.

Ее развязность была скорее напускной, нежели чертой ха-
рактера, потому что когда она снимала с себя маску бесша-
башной и развеселой девки, тут же становилась совершен-
но иным человеком, – простой и тихой девушкой, с долей
скромности и огромным желанием чувствовать себя нужной,
любимой. Я знал эти ее секреты, однако Инга все равно в
моем присутствии без стыда входила в свою избитую жиз-
ненную роль. Она – роль – помогала забывать все плохое,
не думать о будущем и скрывать природную застенчивость,
страх перед неопределенностью. Пока я кипятил чайник и
делал кофе, Инга бродила вокруг меня, что-то напевая себе
под нос и делая вид, что рассматривает детали моей кухни.

– Чего веселая? Очередной барыга на крючке?

– Эх, Данила, – деловито вздохнула она. – Ты все такой же занудный. Ревнуешь?

– Боже упаси. Интересуюсь.

– А мог бы и приревновать. Тебе все равно, а мне приятно.

– У нас давно уже не те отношения, чтобы я ревновал. Просто иногда думаю, какая же ты дура, раз за бабки ноги раздвигашь.

– Фу! Как пошло! – она скривила рожицу. – Не за бабки, а за деньги.

– Тебя именно эта часть фразы возмутила?

– Так а ноги, как ты говоришь, все раздвигают рано или поздно. Философия жизни. А че? Волнуешься за меня?

– Бывает.

– И на том спасибо. Но ты, Данька, не дрейфь. У меня все в ажуре. А насчет нового "кошелька" – ты как в воду смотрел!

– Богатый? – я разлил кипяток в чашки и достал сахарницу.

– А то! И влиятельный! Поперло мне! Что называется, подфартило!

– И кто же сей лопух?

– Почему сразу – лопух? – Инга скривила губы и опустила свои упругие ягодицы на табуретку. – Вполне рек... спек... табельный дядечка и...

– Респектабельный, – поправил я, улыбаясь.

– Чего? А... ну да. И к тому же хороший семьянин. Он мне сам рассказывал, когда с меня слез, – она захохотала. – Нет, правда. Где-то полчаса мне встегивал за семью и принципы! Умора!

– А ты?

– А я что? Я кивала и соглашалась. Мол, того же мнения.

– Понятно. Так кто он? Или секрет?

– Да какой там секрет?! Его рожа по всему городу развешена и по телеку его крутят постоянно.

– Не понял? – я удивленно вскинул брови и застыл на месте. – Это Голиков? Да?

– Ну да. А чего удивляешься-то? Или он не мужик?

Да нет. Видать, мужик, раз по шлюхам шастает. Ну и дела! Голиков Кирилл Борисович был в нашем городе лично-стью широко известной и всеми уважаемой за прямоту, честность и несгибаемую волю в отстаивании интересов простых граждан. Будучи кандидатом в мэры города и основным конкурентом действующему градоначальнику Качаеву Ефиму Ивановичу (тоже весьма интригующему персонажу местного политикума), он имел огромные шансы на победу в выборах, которые состоятся в скором времени. Его рейтинг рос как на дрожжах, он купался в народной любви и популярности, слыл принципиальным и жестким человеком с повышенными моральными и духовными качествами. Он был своеобразным символом перемен, эдаким брэндом лучшей жизни для всех, кто этой самой лучшей жизни так страстно желал.

А желало поголовное большинство. Основные ценности, которые декларировал и олицетворял Кирилл Борисович, – семья и проблемы народа! Вот вам и моралист! Шатается по банькам да ресторанам, тискает девок, тащит их в постель, а после икрометания поет песни насчет принципов и любви к семье. Так сказать, привлекает специфический электорат в составе проституток и шлюх к себе в агитаторы. Молодец Кирилл Борисович! Так держать! Народ с вами!

– Ну ты даешь, подруга! И как ты подцепила этого радетеля за людское счастье?

– Совершенно случайно, – она закинула ногу на ногу и элегантно закурила. – Была в ресторанчике, пила коктейль, общалась с подругами, а тут он! Весь такой важный, с телохранителями. Сидим – болтаем с девчонками, а тут официант бутылку с дорогущим вином притаранил. Мол, это вам от такого-то столика за вашу красоту и женственность. Ну и понеслась! Сначала бухали, потом в сауну. Богатый перец! Подарки всякие дарит, денег отваливает на расходы. Вот так то!

– Голосовать за него будешь?

– Ты че, милый, рехнулся?

– А среди подруг, как всегда, была Ксюша, – утвердительно произнес я.

– Ну да. Вот ты чудной! Ты меня из-за нее пилишь и пилишь. На словах, я имею ввиду. Эхх! Если бы на деле, а? – она игриво подмигнула и хохотнула. – И чего ты так ее не

любишь? Нормальная девка. Веселая. С ней интересно.

– С ней, может быть, интересно, но эта шалава точно куда-то встрянет. И тебя заодно потащит. А я не хочу.

– Да брось! Не парься. Расскажи, лучше, как поживаешь? Давно не виделись ведь.

А что было рассказывать? Я нехотя, общими фразами, описал обстановку, то и дело поглядывая на настенные часы. Время подходило собираться на ночные гулянья, плюс ко всему – я проголодался, а до вечернего сабантуя было еще довольно долго. Мы болтали о том о сем еще около сорока минут, прежде чем она соизволила откланяться и покинуть мою обитель, чмокнув в губы на прощанье и томно вздыхая, словно сексуально неудовлетворенная женщина (хотя даю рубль за сто – сегодня ночью она всю ублажала своего знаменитого и принципиального семьянина товарища Голикова). Закрыв за ней двери, я ломанулся в ванную, вымыл лицо от слишком четких следов ярко-красной помады, затем двинул на кухню, быстренько сообразил яичницу с колбасой и помидорами, наспех поел и поплелся в душ. Запиликал пейджер. Вот черт! Я ж совсем забыл перезвонить Борьке! Так и есть – он. Я взял трубку радиотелефона, набрал домашний номер своего друга.

– Привет, старый! Прости, вылетело из головы перезвонить раньше. Не мог.

– Здорово, – недовольно проворчал он. – Встретиться надо. Поболтать. Дело есть серьезное.

Судя по его голосу, либо он на меня злился, либо действительно что-то случилось.

– До вечера не потерпит?

– Не-а. Давай сейчас. Ты дома?

– А где ж еще?

– Давай в нашей кафешке. Ага?

– Ладно. Только я пешком. Подождешь...

– До встречи.

Я все же принял душ, оттираясь окончательно от масла и остатков краски, напялил спортивный костюм и побрел в "Акацию", наше излюбленное место сбора. Это был обычный местный генделик, ничем не примечательный, за исключением ближайшего к нам (я имею ввиду себя и друзей) месторасположения, кухня сносная, пиво вкусное, водку наливают и музыка дрынчит. Что еще надо? Боря Пономаренко, невысокий блондинистый крепыш с огромными кулаками и широкой грудной клеткой, уже поджидал меня за столиком, посасывая из бокала пиво.

– Здорово, Граф, – он поднялся и мы обнялись, уж такой у нас обычай дружелюбия и команды.

Нет-нет! Вы не ослышались. Именно "Граф". Это было мое второе имя, а возможно, даже первое, и все из-за фамилии и родословной. Все дело в том, что мой полный интерфейс Воронцов Данила Сергеевич, отсюда, собственно, и "погремуха" такая. Есть мнение, пока что не подтвержденное документально и транслируемое исключительно моим

отцом, что он и, соответственно, я являемся какими-то дальними потомками знаменитого графа Михаила Семеновича Воронцова, светлейшего князя, российского и бессарабского генерал-губернатора, отличившегося в Отечественной войне 1812 года. В общем, заслуг и почета огромное количество, все не перечислить. Лично я этому факту верил, а потому с детства кичился таким родством, затем хвастался. Я тогда был еще слишком мал и, как всякому мальцу, мне присуща была романтичность, которую серьезным образом подпитывал мой отец. При этом он предупреждал меня об осторожности в высказываниях и суждениях, но я искренне не понимал зачем. Понял лишь тогда, когда был исключен из октябрат, а затем меня долго не посвящали в пионеры. И хотя время моего детства и молодости пришлось на конец 70-х – начало 80-х годов, когда партийная цензура с каждым днем ослабевала, а на причастность к чему-то, кроме Коммунистической партии, могли посмотреть сквозь пальцы, все равно отголоски былой репрессивной системы давали о себе знать вот в таких проявлениях. Более того, уже позже я стал понимать, что такая родословная сильно мешала моему отцу и могла навлечь на всю нашу семью серьезные проблемы, которые иногда случались, и которые он умело обходил. И мое позерство и хвастовство также могли не принести ничего хорошего, но, слава Всевышнему, обошлось лишь снятием значка со школьного костюма с изображением Ильича и задержкой в подвязывании ярко-красного пионерско-

го галстука. Видимо, зная моего родителя, достойного члена партии, кандидата исторических наук и доцента кафедры истории СССР, а также видя мою исключительную успеваемость по всем школьным предметам, на большее не осмеливались. Я был сильно оскорблен и очень расстроен, когда на одном из школьных собраний, найдя повод использовать мое неудовлетворительное поведение на перемене, меня публично, при всех, исключили из состава так называемой "звездочки" и из октябрат. Да и причина выискалась хорошая: мол, затеял драку с товарищем по классу, разбил ему губу, ударил головой об пол, а это недостойное поведение настоящего октябрёнка. А что мне было делать, когда один жирный и здоровый поц в нашем классе демонстрировал браваду, всех унижал, вел себя как напыщенный гусь, а потом пристал ко мне и в присутствии всех назвал меня "белым недобитком". Вот я и врезал ему по роже, затем сбил с ног и, сев сверху, шваркнул его головой об пол, после чего вся спесь слетела с этого кретина в одно мгновение и он уже выл во всю, вытирая слезы и грозясь мамой. Я думал, что мои сверстники одобряют такой поступок, ведь он обижал практически всех, но ошибся. Только Петя Гремов и Валерка Жилин, оттянув меня от ноющего побиенного, одобрительно хлопали по спине, приговаривая, что так этому придурку и надо. С тех пор наша дружба только крепла, мой неформальный авторитет в классе и в начальной школе резко вырос, как сильного и чуть-что сразу бьющего в рожу. Зато формально меня осуж-

дали, смотрели косо, перешептывались, девчонки строили рожицы и постоянно попрекали, хотя теперь понимаю, что в душе многие поддерживали меня, просто система воспитания не позволяла демонстрировать это. Но мне было наплевать, а вот когда исключили при всех, да еще с резкой критикой и осуждениями, вот тогда мне стало не по себе. Я одновременно боялся реакции отца на такое событие и стыдился, что подвел его. Стыдился того, что будут говорить папе: "Смотри, каков твой сынок! Только и может, что кулаками махать!". Во мне все как будто бы перевернулось. Я до того самобичевал себя, что решил доказать всем, что достоин лучшего, что не только могу морды бить. С того дня я взялся за учебники, старался в учебе, проявлял активность. Классный руководитель начала менять свое мнение и отношение ко мне, хваля за успеваемость. Отец не ругал меня. Как узнал на родительском собрании о моем поведении, молча вышел из класса, также молча привел меня домой, ходил целый вечер хмурый, а затем сказал всего лишь одну фразу, которая запомнилась мне на всю жизнь: "Выводы сам сделаешь. Если поймешь правильно свой поступок – в жизни будет легче, а нет..." и, махнув рукой, ушел в свою комнату. А я еще долго думал над его словами и сделал выводы. По сей день мне кажется, что они оказались правильными. Вспоминая сейчас тот день и задаваясь вопросом, – поступил бы я так же во второй раз, будь такая возможность или нет, – то мой ответ однозначен: да. Наверное, это сыграло свою маленькую роль

в моей последующей жизни и я стал тем, кем стал. С тех пор, примерно где-то в то время ко мне и прилипла кличка "Граф", которую я сам себе и создал, и чему не противился, ну а взрослея, я почти перестал упоминать свое знаменитое родство, лишь изредка в самых необходимых случаях. Брало вверх естественное стеснение и стыд от излишнего хвастовства. Доминировала скромность. Однако кто знал, тот помнил такой факт, а кто слышал в процессе общения мое второе имя, задавал вопросы и получал ответы. Но по большей части не от меня, а от моих друзей-товарищей, которые живоотрепещуще и красочно расписывали все, что им было известно, и все, что в ту минуту взбрело в голову.

– Привет, дружище, – я опустил свой зад на стул напротив него. – Что стряслось?

– Дело есть.

Он сказал это так важно и загадочно, что я чуть не прыснул со смеху.

– Чего улыбаешься? – буркнул Борька. – Я без шуток.

– Так и я тоже. Просто вид у тебя слишком заговорщицкий. Говорить здесь будем?

– А где?

– Ну-у... мало ли. Подслушает кто.

– Блин, точно! Не подумал. Надо выйти, – он суетливо встал, кивая на выход.

Я улыбался. Борька был славным парнем, но слегка простоватым, иногда "тормозил", и дело здесь было вовсе не в

том, что он регулярно занимался боксом и был отличным драчуном, а в том, что так сложилось на генетическом уровне. Зато он был абсолютно надежным и проверенным, на него можно было положиться, не опасаясь за себя. И это для меня главное. Мы вышли на улицу, оккупировали ближайший парапет в грязном палисаднике возле одного из жилых домов, где не было посторонних.

– Говори, что у тебя.

– Дело есть.

– Чего заладил одно и то же, – сказал я. – Ты говори давай.

– Меня с утра Рыжий доставал. Встретиться хотел.

– Встретились? – тут я уже насторожился.

"Рыжий", он же Рыженковский Илья Иванович, был заправским аферистом, заядлым карточным игроком и косил под стопроцентного "блатного", хотя сам по себе был не более чем шнырем, но связи в преступном мире имел. Через него мы иногда проворачивали кое-какие темные делишки и зарабатывали денег. Лично мне этот крысеныш не нравился, но для дела пользу имел, и дела эти были не совсем легальные. Точнее, совсем нелегальные, но оттого более доходные.

– Встретились, – Боря покрутил головой, убедился, что мы одни. – Хату одну обставить предлагает. Условия более чем. Ему нужен какой-то футляр с документами, а все, что найдем, – наше.

– А что найдем?

– Говорит, клиент зажиточный. Барыга пухлый на бабки

и побрякушки. В ментуру не сунется. Побойтся.

– А к блатным?

– Э-ээ... не спросил, – он виновато потупил глаза.

– А надо было спросить. Ну ладно. Что дальше?

– Все. Ответ нужно дать сегодня. Откажемся – найдет других. Говорит, дело верняк. Прибыльное.

– Кого ставить, не сказал?

– Не-а. И не скажет. Бьет на то, что весь прибыльок нам достанется, а ему только этот футлярчик.

– Сигнализация? Охрана?

– Сказал, пустяки. Барыга шифруется, не хочет светиться.

– Понятно. Надо посоветоваться.

– Соглашаться надо, – я видел, как у него от жажды легкой наживы горят глаза, и эта пелена мешала ему думать.

– Не спеши. Где легкие и большие деньги, там и риск высок.

– Как знаешь. Не опоздать бы.

– Не опоздаем. Все, я побежал. Встречаемся, как договорились.

По дороге домой я осмысливал полученную только что абсолютно скудную по содержанию информацию. Конечно же, делать какие-либо выводы было нельзя с точки зрения объективности, но все же: Рыжий никогда не предлагал нам галиматью, это раз; он никогда не кидал нас и не подставлял – это два. Было у нас с ним подобное дельце, где информации о клиенте было с гулькин нос, и обуславливалось это

тем, что и сам Рыжий до конца не ведал, о чем речь, но в этом случае доходы были высоки – это три (к тому же много знать – нервно спать). Риски высоки, но и прибыли тоже – это четыре. Та-а-ак. С иной стороны: куда и к кому идем "в гости" – неизвестно; какие у клиента завязки с ментами и сильными мира сего – мы также не ведаем, а посему и риски взвесить тяжело – либо они есть и очень высокие, либо клиент полный лох и тогда никаких побочных явлений. Но более всего меня настораживает проявленная щедрость со стороны жлоба Рыжего, который за копейку удавится, воскреснет и еще раз удавится. Это значит, что заказчик мероприятия уже "откашлял" Ильюшке добрую сумму денежных знаков и строго-настрого пригрозил не лезть в делюгу, а взять только заветный футлярчик с какими-то документами. Какими? Не разберешь! Но одно точно – они имеют серьезную ценность, раз соразмерны с тем кушем, который отвалится нам при краже. Или Рыжий лукавит, и в квартирке не столько много ценного, как он расписал? Или он и сам не знает? Когда я вошел в квартиру, моя вера в некие принципы афериста Ильи по отношению к нам победила, и я уже был согласен принять его условия, но на душе было беспокойно. Я сомневался. Стоит отметить, что сомнения посещали меня всегда, и я был им только рад, ибо они вынуждают тебя думать и взвешивать все "за" и "против". Но в этот раз они были уж больно сильными, и я всячески старался их унять: чего греха таить, и я, и мои друзья уже некоторое время были

на мели, а тут подворачивается выгодное дельце. Разве можно отказать? Вот и я о том же.

Глава 2

К ночному клубу "Конго" я подвалил на такси. Знаменитое местечко. Славилось отличной тусовкой, музыкой и жратвой. Заведеньице пребывало на пике славы у городской братвы разных мастей, развеселых красавиц, готовых по полной отвязаться, и торгашей амфетамином, снабжавших здесь всю публику, которая неистово трусила телесами в такт "рейву" и "техно". Их одурманенные алкоголем и таблетками мозги телипались в черепных коробках, подгоняемые мощными децибелами ритмичной современной музыки, а выпученные глаза и глупые улыбки демонстрировали высшую меру ночного наслаждения. Здесь практически ежедневно, с вечера до утра, пребывало достаточное количество желающих повеселиться. Само помещение было выполнено преимущественно в зеленых цветах и оттенках, создающих иллюзию нахождения в джунглях. Такое впечатление, что дизайнер изначально планировал эти декорации для несколько иной категории клиентов – красножопых макак, и даже название клубу дали вполне соответствующее. Однако после открытия сюда толпой повалили братки разных мастей и принадлежностей, плотно застолбили заведение за собой, формируя ему уже слегка иную репутацию. "А чем мы все здесь не макаки? – как-то спяну спросил Валера Жилин и ткнул пальцем в сторону Мультика. – Вот Васька! Иик!

Типичная харя орангутанга!" И принялся хохотать, упиваясь собственным "остроумием", чем заставил Васю Ломового несколько смутиться и задуматься. А так как думать он особо не умел, то перестал напрягаться и с вежливой скромностью попросил Жилина "заткнуть хайло", чем вызвал бурю праведного протеста со стороны последнего, враз сникшего при откровенно открытом взгляде Васи, говорящем, что еще слово, и он сам его ему заткнет.

Яркий свет, множество фонарей и ламп для светомузыки, диджеи на подиуме, спертый воздух, оглушающая динамичная музыка, спиртное рекой и заполненная телами танцплощадка – это клуб "Конго". Это место мы выбирали исключительно из-за того, что здесь было по-настоящему весело и можно было на полную отдохнуть, но при этом мы не считали себя основоположниками теории Дарвина. Все мои друзья были уже здесь. Кстати, о друзьях. Следует рассказать немного и о них. Картина классическая, как из "Трех мушкетеров" Александра Дюма – их у меня трое, самых близких, с самого детства. По ходу жизни добавился еще один, с которым вы уже познакомились – Борис Николаевич Пономаренко, мой спарринг-партнер по боксу, с которым мы сильно сдружились. Хороший парень, сильный и выносливый, не нюня, правда, слегка туповат, но я это называю простотой. Главное, что на него можно положиться, он из тех, кто не сдаст. Проверено. А теперь о моих "мушкетерах". Жилин Валера, в простонародии просто Жила, высокий жердяк, ху-

дующий, но полностью идентифицирующий себя с собственной фамилией, то есть жилистый. Хорошо бегает (в смысле спорта) и очень много ест. Мы иногда удивляемся, куда вмещается вся поглощаемая им пища, и пришли к выводу, что у такого дылды, как пить дать, в кишке солитер огромный поселился. А иначе как пояснить такой аппетит? Гремов Петя (Петр Иванович) – кличем Грэмом, совершенно обычный и малоприметный паренек, тихий и покладистый, но, как известно из классики, – в тихом омуте... И так далее. Он у нас мастер на все руки, что ни возьмет, то обязательно или починить сможет, или диковину какую смастерит. Эдакий Кулибин местного разлива. Пальцы самые что ни на есть золотые – они и замки любые вскрывают, и прочие хитросплетения устраивают. Он никогда не нервничает, во всяком случае, не подает вида, всегда спокоен, как питон, даже когда вокруг царит сильнейшая суматоха, – Грэм отрешенно делает свое дело без всякого раздражения и излишнего дерганья. Он, без лишнего, самый основной игрок в наших иногда темных делах, когда стадия планирования переходит в стадию реализации. Без него мы как без рук. И, наконец, Ломовой Василий Леонидович, о котором также я вскользь упомянул ранее, отзывается на Мультик – здоровенный детина, чье телесное развитие существенно опережает морально-психическое, с одного удара и быка свалит наповал. Одним словом, богатырь! Занимается вольной борьбой, причем профессионально. Он из всех нас наиболее страшный, способный наве-

сти жути на любого самого стойкого верзилу (оттого и сравнил его Валера с орангутангом, чему никто из нас не противился). Я не помню случая, чтобы он кому-либо в бою уступил или был повержен. А что касается его незамысловатой погребухи, так это еще с первого класса школы к нему прилипло прозвище Мультик. Он очень любил их смотреть, и всегда, слегка заикаясь, пытался перед всеми делиться впечатлениями. И всегда терроризировал вопросом "Смотрел такой-то мультик?" А потом первая контрольная перед окончанием учебного года. Все готовились, родители волновались почему-то больше чем мы – дети. Всех строго-настрого предупредили – приходить без опозданий, опрятно одетыми, будто на праздник. Некоторые сдуру даже бутончики в верхний левый карманчик пиджачка засунули. И пришли все вовремя. Все. Кроме Васи Ломового. Он единственный опоздал на контрольную. Робко постучал и вошел в класс под легкий шорох и хихиканья учеников и чуть недоуменный взгляд классного руководителя – женщины строгой и даже иногда деспотичной, но справедливой. На вопрос "почему опоздал?" Вася скромно буркнул: "Мультик смотрел". Мы захохотали, зная эту его слабость (хотя также в том возрасте любили смотреть телевизор). А классный руководитель совершенно справедливо вклеила ему двойку за поведение, но разрешила войти в класс и сдать контрольную работу. С тех пор к нему и прилипло прозвище "Мультик". Я, Жила, Грэм и Мультик знакомы еще с первого класса школы (кроме

Бори Пономаренко), там и сдружились, и теперь по жизни вместе топаем – и в горестях, и в радости. Каждому из них я доверял как себе, и знал, что по отношению ко мне у них такие же чувства. Если я чего и боялся, так точно могу сказать, что один из таких страхов – потерять кого-то из них, и не важно в качестве кого – друга либо предателя.

Когда я подошел к столу, мы облобызались не хуже Леонида Ильича Брежнева и всего Политбюро. Все пребывали в отличном настроении, один только Боря был слегка напряжен, и я знал из-за чего. Из-за предложения Рыжего, которое не давало ему покоя. Уж слишком падок был Борис на легкую наживу, а потому о риске не думал, считая, что худо минует его, не зацепит.

– Ты б расслабился, – сказал я ему.

– А че случилось? – любопытный Жила мимо ушей мою фразу не пропустил.

– Давай, расскажи всем.

И Боря рассказал. Ему надо было это рассказать именно сейчас, потому что в противном случае весь вечер он сидел бы как на ножах и нас напрягал бы своей кислой миной на лице.

– Какие мнения? – спросил я.

Оговорюсь: все уже привыкли к тому, что самый инициативный и продуманный в коллективе – это я, ваш покорный слуга, а потому я брэнно нес пальму лидерства и ничуть об том не сожалел. Как и они.

– Думаю, надо соглашаться, – Мультик обвел всех взглядом, претендующим на мудрость, остатки которой, если и были, то давным-давно выпали из его огромной башки с каким-то из ударов оппонента в уличном поединке.

– Ты всегда готов согласиться, если баблю засветило, – ответил ему Петя. – Как по мне, то информации маловато. Узнать бы больше.

– Грэм прав, – подтвердил я. – Нужна информация. Риск велик. Все с этим согласны?

Кивнули. Боря нехотя тоже.

– Но и прибыли также немалые, – буркнул он.

– Возможно. Однако мы об этом не знаем, – возразил Петя. – Только со слов Рыжего.

– Тогда надо встретиться с Рыжим и более предметно перетереть с ним.

– Вот ты и поговори, – деловито вставил Валера Жила.

Я пожал плечами, не возражая. Подошел официант, которому мы надиктовали заказ.

– А знаете, пацаны, – вытягиваясь на стуле будто глист, воскликнул Валера, когда скучный паренек в замусоленном переднике ретировался на кухню. – Я сегодня так оторвался с одной "клавой" – не поверите! Я так еще никогда не зависал.

– Это с кем?

– А-аа... ты не знаешь. Новенькая. И вышло совершенно случайно. Говорят, нет судьбы, нет провидения. Фигня!

Есть. Я ж сегодня без тачки? – то ли спрашивал, то ли утверждал он, но никто из нас не понял, что именно, и тут же отвечает: – Без тачки. А где тачка?

– Слышь, Жила, ты чего – обдолбался? – удивленно спросил Боря. – Это ж надо, сам с собой разговаривает!

– Да он бухнул! – вставил Вася Мультик. – Не видно, что ли?

– Есть малехо! Так я ж и говорю – с телой одной завис. Только сегодня с ней познакомился. Еду я на своей машинке, и вдруг она начинает чихать, бухтеть и...

– Кто, телка? – удивился Боря.

Мы расхохотались.

– Какая телка?! Машина. Заглохла она. Завести не могу. Ну, думаю, приехал. Включил аварийку, вышел, открыл капот и смотрю в него, как идиот. Ни хрена не секу! А мимо меня с двух сторон машины: вжжих...вжжих. Стал ведь посреди дороги. Пробовал завести – глухо! Закрыв капотик и пошел к ближайшему телефону. Вызвонил Генку, что на СТО работает, говорю, мол, забирай дрова мои. Стою, не знаю, че с ними делать. Вернулся, сел в машину, жду, значит, Генкока. Жду, жду, никого не трогаю, и вдруг слышу, драндулет чей-то остановился позади меня и сигналит вовсю. Я аж не въехал сразу в чем дело-то. Смотрю в зеркало, – стоит и сигналит, да так настойчиво. Че, думаю, совсем водила оборзел? Аварийку не видит? Выхожу, значит, подхожу к драндулету...ба-а-а! А там такая фифа сидит и на сигналку

давит! Я ей вежливо так: ты чего, дура, клаксонишь? Объехать же можно. И справа, и слева по полосе.

– А она?

– Не поверите. Я чуть со смеху не обоссался прямо при ней! Знаете, че выдала?

– Говори, давай.

– Не тyani!

– Она мне, с умной рожей, значит: "Смотри, какой грамотный выискался! Сам мигает поворотами направо – налево, как я тебя объеду-то?!"

Нас от хохота чуть не порвало. У Грэма даже слезы на глазах проступили.

– Так это не все! – довольный от того, что рассмешил нас, продолжал Валерка. – Я от такой заявы стою, как осел, моргаю и не соображу, что ответить. Растерялся как-то. Сколько бы вот так простоял, не знаю, а она вдруг внима-а-ательно так приглядывается ко мне, будто на выставке, а затем спрашивает: "А вас как зовут?". Я ответил, чисто автоматически, пребывая, так сказать, под впечатлением от ее выходки. И тут она мне: "Поехали ко мне".

– Прямо так? – сомневаясь, спросил я, зная этого сказочника очень хорошо.

– Ну да. Так не поверите! Я сразу сел, а она мне выдает тираду о том, что уже давно без секса, что ее уже всю разрывает, что ей и двоих мало будет, и что если я не против – это я-то против! – то мы сейчас у нее отвязно покувыркаемся.

Так-то! Э-эхх, братва! – Жила томно вздохнул. – Какая баба! Огонь! Впервые в жизни отымел не я, а меня, и по этому поводу нисколючко не жалею.

– Сказочник, – буркнул Мультик, будто читая мои мысли, делая глоток только что принесенного пива.

– У нее, кстати, подружки есть, – не замечая сарказма, как бы мимоходом продолжал Валера. – Говорит, симпатичные и веселые. А я говорю, что у меня друзья не хуже.

– И что? Когда звоним? – впервые за весь вечер Боря улыбнулся и расслабился.

– Да хоть сегодня. Я б с ней еще покувыркался!

Время летело довольно быстро. Ближе к полуночи клуб был переполнен: стаи потных тел, грохочущее техно и в полумраке, где развеселые огни светомузыки ошалело двигались по танцполу, блестит множество одурманенных зрачков, источающие блаженство вперемешку с тупостью. Я невольно засмотрелся на такое зрелище. Напрягать слух и вылавливать отдельно взятые слова орущих корешей, которые в тщетных усилиях пытаются перекрычать музыку, я устал, а потому внимал классической картине клубной жизни. Здесь было множество симпатичных девушек, часть из которых "под амфетамином" поедет потом ублажать своих парней или просто случайных знакомых, пока остальные будут ждать своего часа. Я же наблюдал, выискивая среди этой оравы парочку симпатяжек для дальнейшего веселого времяпровождения. Собственно, это занятие внезапно прервал

топот ног, яркий свет, неожиданно осветивший все помещение клуба, вмиг стихшая музыка и рев командира спецподразделения милиции "Беркут":

– Никому не двигаться! Всем на пол! На пол, я сказал! Рожам вниз!

Так не двигаться или на пол?

Черт! "Маски-шоу" приехали! Так в народе мы именовали подобного рода спецоперации наших органов правопорядка. А почему "маски-шоу"? Все они были в камуфляжах, а на головах черные вязанные маски с прорезями для глаз и рта.

– Лицом вниз! – заорал кто-то мне в ухо и двинул прикладом в затылок. Не сильно, но чувствительно.

– Полегче, – проворчал я, падая вслед за своими друзьями на пол. – Козлы, вы б определились – или не двигаться, или на пол.

Получилось так, что говорил я сам себе. Негромко и ворчливо. Затылок отдавал болью, хоть и терпимой, благо дело удар оказался приемлемым, если можно так выразиться. В клубе первые несколько минут царила полная неразбериха: броуновское движение обдолбленных наркотой тел упорядочивалось уверенными и слаженными действиями доблестных блюстителей порядка. Визг и шум стоял невероятный. Визжали представители прекрасной половины человечества, искренне возмущенные бесцеремонным поведением мужчин в масках, которые без разбора хватали сих прелестниц за патлы и опускали мордашками в грязный и холод-

ный пол, накрепко припечатывая их напудренные носики и размалеванные губки, которые планировали чуть позже припечатываться в несколько иное место. Представители братвы мужественно держали удар, точнее, кому эти удары доставались, те с хрипом буквально складывались пополам и оседали вниз, словно вмиг сдувшиеся воздушные шарик. Остальные, видя такой поворот дел, соображали куда быстрее и добровольно плюхались наземь, привычно складывая руки на затылке – частые тренировки и приобретенный жизненный опыт давали о себе знать. Наконец шум-гам постепенно стал сходиться на нет и началась плановая процедура "упаковки" подозрительных элементов в спецавтотранспорт. Меня в подобных случаях всегда волновал вопрос: а какие критерии отбора действуют при проведении таких мероприятий? И сразу же стало грустно. Ведь я-то уж точно попаду в самую "элиту", что грозит предвариловкой на энное количество времени. Меня такая перспектива не радовала. Судя по взволнованным лицам моих корешей – их тоже.

– Эй... эй... – чей-то шепот сверху, прямо надо мной. – Даня, ты?

Я извернулся и посмотрел вверх. Надо мной нависал здоровенный верзила в маске, но вот голос его казался мне очень знакомым.

- Ты какого здесь? – уже чуть громче спросил он.
- Гуляю, – безмятежно ответил я.
- А-а-а...

И тут я, несмотря на скрытый "фэйс", признал в нем своего старого знакомого. Служили вместе в войсках спецназа. Я дембельнулся, а он пошел дальше по карьерной лесенке. Как говорится: честь, мужество, закон.

– Воха, ты, что ль? – прошептал я.

– Ну да.

– На хрена прикладом отоварил?

– Я ж не знал...

– Свалить нам надо, – я как мог повел головой в сторону своих друзей.

– Ты че! Не могу, – он виновато пожал плечами. – При исполнении.

– Мы по тихому... никто и не заметит, видишь – кутерьма какая. Не прельщает в кутузке париться. А?

– Ну-у... тебе ладно, а их... нет.

– Воха!

– Нет, я сказал. Не могу. Я счас стану сюда, скрою тебя, а ты отползай за барную стойку – там второй выход есть, через кухню.

– Откуда знаешь?

– Ну ты, блин, даешь! Я ж не впервой вашего брата ловлю. В прошлый раз за одним гнался – он как раз к этому выходу и бежал.

– Ага, а там, на улице, ваши...

– Двое всего. Курят. Ты тихонько проскользни – и в кусты. Дождись, пока уедем. Потом сваливай. Если что – без

обид. Заметит кто – догоню и прикладом в затылок. Ну ты ж знаешь.

– А пацаны?

– А че пацаны? Пацаны – обмочили штаны! Гы-гы! Посидят чуток да и выйдут, ежели чистенькие.

– Вали, Граф, – прошипел Борька. – Мы не в обиде. Выкрутимся.

– Ладно, пацаны. Надолго не застревайте. Если что – подсоблю. Ауфидерзейн!

Вова неспеша перешагнул через меня и слегка двинул ботинком в бок, подавая сигнал к действию. Я медленно и тихо пополз к барной стойке, огляделся и нырнул за нее, подползая к приоткрытой двери.

– Черный ход! – вдруг заорал кто-то. – Чернышов!

– Я!

– Взять черный ход под контроль!

– Есть!

Вот бл..дь! Я поджал локотки и что есть силы пополз за дверь, набирая скорость. Получить прикладом в затылок означало недельку проваляться в постели с гематомой на голове. Когда пересек порог, вскочил на корточки и как беременный гусь поскакал к выходу, который, благо дело, был в стороне от кухни. Иначе повара меня б спалили. Нутром слышал приближающиеся шаги этого Чернышова, а оттого еще быстрее, вприпрыжку, достиг выхода. Попросил всевышнего о помощи, мысленно сплюнул три раза и аккуратно

но приоткрыл дверь. Тишина. Я юркнул в образовавшуюся щель, автоматически прикрыл дверь, которая, слава Создателю, не скрипела. Нырнул в кусты, опираясь руками о мягкую и прохладную землю, тем самым подтверждая в некотором роде теорию Дарвина о происхождении человека от обезьяны. Чуть поодаль двое спецназовцев разговаривали о чем-то, стоя полубоком к двери, а потому то мгновение, когда щель, в которую я юркнул, высветила полоску проникающего наружу света, не заметили. Повезло. Было хорошо слышно их безмятежные голоса. Я замер, затаил дыхание. Судя по всему, они таки действительно ничего не заметили. Дверь открылась снова.

– Эй, мужики! Никто не выбегал? – Чернышов.

Мужики повернулись.

– Нет, а должны были?

– Да нет, вроде. Командир приказал взять выход под контроль.

– Все спокойно.

Пронесло! Однако радоваться рановато. Неизвестно, сколько мне еще вот так сидеть и ждать, пока все отвалит. Сижу. Жду. Не то что шелохнуться, думать боюсь, чтоб скрежет извилин не услышали. Не мой сегодня день – это уж точно! Сколько времени прошло с момента моего побега в кусты, я не знаю, однако мне каждая минута кажется вечностью. Ноги одеревенели, колени болят от постоянного сидения на корточках, словно в деревенской уборной, да и сам я

подмерз маленько. Куртка-то осталась в гардеробной. И тут меня прошиб пот, аж голова закружилась. Вот кретин! Куртка! С документами на машину. В гардеробной. Стоит командиру "Беркута", проявив сообразительность, потрясти шмотье, – и мой побег терял свой смысл. Более того, даже усугублял положение, ибо все равно найдут быстренько и придется выкручиваться, почему одежда в клубе, а я нет. Всплеск нервного перевозбуждения и боли в конечностях заставили меня сменить положение тела. Я вновь оперся руками о землю и медленно опустил свой зад на нее же. Чвак! Что-то противное и мерзкое расплозлось под моей жопой и вокруг плохо запахло. Ну что ты будешь делать! Неужели снова дерьмо? Второй раз за день? Это уж слишком. Я с чувством глубокой безгливости подвинул правую руку к злополучному месту и пальцами ощупал территорию. Нет! Не дерьмо, хуже! Блево-тина, мать ее! Видимо, какой-то придурок перебрал спиртного, отравился печенькой и прорыгался в кустах, а я вляпался в эту мерзость. Что за смутные времена? А? Дважды встрять! Так же аккуратно, как и сел, я встал, перекатился на другое место, соблюдая максимальную тишину от своей вынужденной передислокации, и принялся методично елозить задницей по траве, очищаясь вот таким вот природно-кошачьим способом. Бог мой, если бы меня в эту минуту кто-нибудь бы срисовал, – зрелище просто уморительное! Пока я проделывал эти манипуляции, мои нервы расслабились, я почти что успокоился и подумал – да и хрен с ней, с курткой

то! Чему быть, того не миновать, а посему я терпеливо дождался окончания операции под кодовым названием "Маски-шоу", не забывая при этом соблюдать тишину, чистить жопу об траву (рифма-то какая!). А когда все благополучно отбыли, я смог появиться на свет Божий. Точнее, на свет лунный. Около минуты разминал затекшие ноги, чуток попрыгал, согреваясь, проверил брюки, влажные и наверняка зеленые в пятнах, и, относительно удовлетворившись осмотром, направился в обход здания к главному входу. А что прикажете делать? Надо было проверить наличие верхней одежды. Вот блин! Сообразительный ментяра попался. Куртки моей как не бывало, впрочем, как и гардеробщика тоже. И стало мне очень уж грустно. В том, что мои вещи прибрали доблестные работники милиции, я нисколько не сомневался. Теперь жди их. Нагрянут вскорости. И чего это им приспичило притоны трусить? Поди, случилось что? Я вошел во внутрь клуба, нашел туалет, помыл руки, посмотрел задницу в зеркале – сойдет, и вышел. Тишина стояла гробовая. Только бокал где-то дзинькнул. И пустота. Никого, как после ядерной войны. Мусор по полу да осколки битой посуды. У той самой стойки, за которую я давеча так лихо заползал, я заприметил паренька – официанта, удрученно копающегося в ворохе счетов. Да-аа! Убытки подсчитывает. Кого забрали, а кто и так свалил, что называется "под прикрытием". И никто, естественно, не заплатил за питье и еду.

– Эй, братан, – окликнул его я. – Совсем худо?

– Да уж, – грустно ответил он. – Мы закрыты.

– Это я вижу. Че менты хотели, не в курсе?

– А тебе зачем? – он поднял голову и посмотрел на меня.

Вот любопытный. Я подошел к нему, перегнулся через стойку и страшным взглядом уперся ему в подленькие глазенки.

– Слышь, паскуда! Я тебе не кореш, чтобы вопросы мне задавать. Усек?

Видимо, парнишка въехал, с кем имеет честь разговаривать, и согласно кивнул головой.

– Ответь мне, дружище, иначе челюсть сломаю, – я зло улыбнулся и подмигнул ему.

– Я это... не знаю точно. Что-то про всяк говорили.

– Всяк?

– Ага. Вроде убили кого, вот и шмонают заведения.

– Ммм... ясно. Ну лады. Бывай, не кашляй! – я отвесил ему легкий щелбан по лбу, развернулся и двинул на выход.

Значит, в городе кого-то замочили. Это меняет дело. Вот только в какую сторону я еще не знал. Вышел на дорогу и протянул руку, ловя такси. Машин по ночному проспекту двигалось мало, но я терпеливо ждал, понимая, что в такое время остановится или полный псих, или уверенный в себе и своих силах водила, который никого и ничего не боится. Но вышло ни то, ни другое. Остановилась черная "восьмерка". Опустилось окошко и из него, как черт из табакерки, высунулась ухмыляющаяся рожа Ильюшки Рыжего.

– Здорово, братан! Налегке поди?

– Как видишь. Ты чего тут делаешь? – я был удивлен таким совпадением обстоятельств, но вида не подавал.

– Не поверишь – просто ехали с корешом мимо, а тут ты "голосуешь". Садись, подвезем!

Он выскочил из машины, откинул спинку сиденья, а я нехотя залез во внутрь. Отказать было впадлу, но и общество Рыжего мне сейчас уж совсем не требовалось. Все мысли по моим ксивам не давали покоя.

– Чего так рано сваливаешь? И один?

Я вкратце рассказал ему о шмоне. Он присвистнул и замолчал. Молчал около минуты, и я за приметил, что веселость его куда-то враз испарилась.

– Тебе Боря тему передавал? – вдруг спросил он.

– Передавал.

– И чего надумали?

– Пока ничего.

– Дело стоящее. Гадом буду.

– Возможно. Но информации маловато.

– Выйдем?

– Давай.

– Ну-ка, останови лошадку, – сказал Илья своему угрюмому товарищу, крутящему баранку автомобиля.

Тот послушно выполнил команду, прижался вправо и резко затормозил. Мы вышли на безлюдную улицу, слабо освещаемую фонарями. Я поежился от холода.

– Дело в том, что я и сам мало чего знаю. Только адрес, имя клиента и его бизнес, и кое-какие детали по хате, – пожал плечами Рыжий, косясь по сторонам. Видимо, привычка.

– Тогда выкладывай, что знаешь.

– Кличат Станиславом, фамилия Гайчук. Он хозяин ночного клуба "Аист", там еще банька отличная есть, да элитные комнатухи под съем почасово. Сам он так себе. Не из блатных – это точно. Обычный дядька, без особых завязок. Проблем с ним не будет.

– Откуда знаешь? – я хмыкнул. – По ментовской базе проверял, что ли?

– Уважаемые люди сказали.

– Очень уважаемые?

– Достаточно, чтобы слову их доверять. Слушай, Граф, чё ты паришься? Впервой разве?

– Да нет. А квартира?

– Самая обычная. Леха проверял, – он кивнул в сторону "восьмерки", где сидел его кореш. – Сигнализация отсутствует. Правда, дверь серьезная. Бронированная, с замками заморскими, но вскрыть можно. Дома бывает не часто. Живет сам. Он разведенный, и жена его на бабло кинула да свалила с каким-то хреном.

– Про то, что там есть чем поживиться, тоже уважаемые люди сказали?

– Ну да. Они его знают как облупленного. Я ж тебя нико-

гда не подставлял?

– Нет.

– Мы не раз работали – проблемы были? – его физиономия вовсю источала гордость от того, что он надежный партнер.

– Нет.

– Ну вот, а ты сомневаешься. Соглашайся. Риск велик, не спору, но и куш хороший, а?

– Судя по твоим словам – да, а как в натуре выйдет? Кто знает...

– А-а-а..., – он махнул рукой.

Я внимательно наблюдал за Рыжим. Он явно нервничал. Было видно, что эта тема его сильно беспокоила. Либо он уже взял за нее бабки, забожившись все исполнить в лучшем виде, либо тема была с гнильцой. Скорее всего, взял деньги.

– А тебе с этого что? – спросил я, решив проверить.

– Ничего. Пузырь водочки да пару девочек выкатишь за наводку.

– Что-то маловато для тебя, а? Ты же жлоб отменный.

– Послушай, – начал заводиться он, пропуская мою вольготность мимо ушей. – Я тебе в натуре дельное предлагаю. Там верняк, уж поверь. Потом спасибо скажешь. А что до моего – так то мои проблемы.

– Понятно. Говоришь, ни к ментам, ни к блатным не сунется?

– Нет. Да и среди наших у него завязок нет. Он полный

терпила, шарится куда возьмут и где помогут. Никакого постоянного. Хитрый он, и изворотливый.

– И "крыши" нет?

– Да нет же, говорю.

– А так бывает? – спрашивал я с подозрительностью в голосе. – Как же он тогда вопросы решает?

– А так и решает: где прижмет, ищет потом за разовое вознаграждение помощи.

– Почему тогда к ментам не сунется? Если он не с блатными, тогда с ними. Логика.

– Жлоб он. И боится, что сами мусора его потом по полной раскрутят, а толку будет мало. На шифрах он весь. Хитрожопый потому что.

– Это все?

– Ну да. Только адрес дам и футлярчик опишу.

– С пацанами посоветуюсь, потом с тобой свяжусь.

– Ты это... – он замялся. – Советуйся поскорее. Время не терпит. Делать надо.

– Чего так?

– Того. Футлярчик тот больно нужен.

– Припекло уважаемым людям?

– Сам понимаешь. Поехали?

– Не-а. Спасибо, мне тут недалеко. Пройдусь, подышу свежим ночным воздухом.

– Как знаешь. Жду ответ до обеда. Завтра. Лады?

– Лады. Бывай.

Мы пожали друг другу руки, и я ретировался в направлении своего дома. От быстрой ходьбы разогрелся, и было уже не так холодно. С предложением Рыжего я в мыслях согласился и знал, что дам согласие и ему. Вот только легкое чувство беспокойства присутствовало, но я старался притупить его исконно русским "все будет путем" и "авось пронесет". Но я ошибался...

Глава 3

...У двери квартиры меня поджидал еще один сюрприз.
– Ты чего тут так поздно делаешь? – удивленно спросил я.

Инга сидела на ступеньках лестничного пролета, беспомощно вжавшись в грязную стенку, обхватив ободранные коленки сплошь порезанными и расцарапанными руками. Ее лицо было все в потеках черной туши от слез, глаза испуганные и красные, волосы растрепанные, кое-где местами глубокие ссадины и порезы, на щеках запекшаяся кровь. Весь ее внешний вид был весьма удручающим. От напускной веселости не осталось и следа. Она глядела на меня глазами затравленного зверька и часто всхлипывала.

– Что случилось? – мне очень не понравился ее внешний вид.

Она молчала, продолжая сербать носом, и я заметил, что все ее тело пробивает нервная дрожь. Такое бывает после истерики. Присмотревшись получше, я присвистнул: ее ссадины и порезы были нешуточными. К садистам на вечеринку небось заглянула? Я открыл двери, подошел ближе, взял ее на руки и занес в квартиру. Инга прильнула ко мне и разрыдалась.

– Ну-ну... успокойся. Сейчас в горячую ванну и коньячку. Попустит, – я был далеко не мастер утешений для плачущих дам, особенно тогда, когда не знал, стоит ли утешать.

Я стянул с нее всю одежду, усадил в ванную и открыл душ с горячей водой, стараясь не мочить раны на руках и лице. Она не сопротивлялась, пребывая в состоянии шока. По крайней мере, такое объяснение я могу дать ее рыданиям, отрешенности и нежеланию говорить. Пока набиралась вода, я спрыгал на кухню, налил в стакан коньяку, чиркнул ножом ломтик лимона и заставил Ингу выпить спиртное. От горячей воды и выпитого она постепенно согревалась и переставала дрожать. Минут через пять я увидел, что ей становится легче. Она перестала реветь, на щеках проступил румянец, а глаза заблестели под воздействием алкоголя.

– Ну как? – спросил я, вытирая кровь вокруг порезов стерильными бинтами.

– У-уже лу...лучше, – запинаясь, пробубнила она.

– Расскажешь, в чем дело?

– Ме...меня... убить хотели, – Инга зажмурилась.

– Это не новость. Тебя вечно кто-то хочет прибить. Какая сволочь тебя покромсала?

– Я... я убежала. Смогла... а... а Ксюша..., – и она снова разревелась, закрывая ладонями лицо.

– Что Ксюша? – меня начинал пробирать холодок от предчувствия беды.

– Ее убили...

Я сел на пол. Вот-те на!

– Ты шутишь?!

Она, рыдая, отрицательно качала головой, но даже без

этого жеста я прекрасно понимал, что Инга говорит правду. И тут меня осенило! Так вот из-за чего в городе шмон! По горячим следам трусят все притоны и злачные места.

– Прекращай выть! – прикрикнул я, отвешивая ей смачную пощечину. – Возьми себя в руки.

Она на мгновение опешила от такой бесцеремонности и вправду перестала реветь, глядя на меня чуточку изумлённо и возмущенно одновременно.

– Выкладывай все как есть. До малейших подробностей.

Инга прерывисто вдохнула побольше воздуха и начала сбивчиво говорить. Дабы никого не удручать дословным пересказом, путающимися фразами и повторами, я оформлю это мрачное повествование от себя. Итак, начну. Сразу от меня Инга направилась к себе домой приготовить свое трудовое тело к очередной ночной работе, так как ее ближайшая подруга Ксюша, ныне – победитель в номинации "Самая нелепая кончина года", договорилась с ней на вечер повеселиться в компании двух замечательных, а самое главное – состоятельных мужчин. Клиенты ништяк, оплата наличными по курсу с предоплатой. Учитывая, что более никаких иных важных мероприятий у нее не намечалось, моя бестолковая подружка согласилась (а я ее предупреждал, что эта сука Ксюша, господи прости, до добра не доведет!). Туда-сюда, перекусила, запила чайком, навела в течение парочки часов полнейший и эффектный марафет, и вот Инга приехала в кафешку, где договорились о встрече. Ксюша немного

опоздала, была веселая и беспечная (эта тварь безмозглая всегда была такая, скорее от природной тупости, нежели от естественного поведения). Посидели, поболтали да и поехали на такси в баньку на окраине города, куда их пригласили скоротать вечерок те самые состоятельные мужчины. Добрались без приключений. Позвонили в звонок. Дверку открыл заштыренный алкоголем паренек, исполняющий функции банщика, который на вопрос девушек "Здесь?" долго соображал, что бы это значило, а потом согласно кивнул головой, пропуская шлюх вовнутрь благонепристойного заведения. Здесь, чтобы блеснуть своим умом, Инга вставила фразу, что она якобы с момента входа в помещение сауны засомневалась в безопасности этого мероприятия. Однако, несмотря на сомнения, подруги все же проследовали за банщиком в комнату отдыха, которая оказалась почему-то пустой. "Где клиенты?", на что туго соображающий паренек невразумительно ответил "там" и кивнул головой в сторону закрытой двери, ведущей в парилку и душевые. Затем он ретировался. Как оказалось потом, выходя из комнаты отдыха он запер дверь, а значит, знал, что должно было произойти. И вот тут произошло! Пока подруги устраивали свои сладкие места на диване из потрескавшегося кожзаменителя, дверь, ведущая в парилку, резко открылась, и оттуда выскочили двое одетых мужчин. Один из них что есть силы треснул Ксюшу по голове чем-то твердым, от чего та ничком повалилась на диван, заливая все вокруг кровью, а другой

ринулся в сторону Инги. Здесь надо отдать должное моей подруге, точнее, ее реакции. Вместо того, чтобы тупо орать, она вскочила на ноги и побежала к двери, которая оказалась запертой. Убийца за ней. Но и тут она не оплошала, благо дело имела весомый опыт в подобного рода ситуациях, – сиганула прямиком в ближайшее окно и приземлилась в колючие кусты (отсюда порезы и ссадины). Вскочила на ноги и что есть сил побежала, не глядя по сторонам и не оборачиваясь, а вслед ей шмаляли из пистолета, пытаясь застрелить. Бежала, бежала – и прибежала. Прямиком ко мне. Теперь выводы. Работали дилетанты. Это факт. Видимо, хотели обустроить все под несчастный случай – мол, проститутки напились, поскользнулись на мокрой плитке в бассейне да и разбили затылки. Вот только с двумя одновременно такого не бывает. Фантастика. Хотя для Инги могли уготовить что-то более изощренное. К примеру, перебрала спиртного да захлебнулась в бассейне. Но об этом уже не узнать. А теперь важное. Зачем их убивать? Кому они перешли дорогу? Не проще ли было застрелить без свидетелей и не устраивать таких кинопробных усложненных сцен. А банщик? С ним что? Как по мне, так его тоже приделали. Живых свидетелей не бывает. А про убийство прознали из-за того, что в убегающую Ингу стреляли и кто-то вызвал милицию. Совершенно понятно, что убийцы не успели осуществить и части своего мокрушного замысла, а потому попросту отвалили в неизвестном направлении. Приехали менты и понеслась! Последствия пре-

ступления настигли меня с друзьями в ночном клубе "Конго", который стандартно стоял в списке на облаву в подобных чрезвычайных происшествиях. Вот и вся история. Черт бы ее побрал!

– Тебе скрыться надо. Не у меня. Найти могут. А я пока выясню что к чему. Есть где затихариться?

Она отрицательно помотала головой.

– Ты думаешь, что..., – Инга многозначительно раскрыла глаза пошире.

– Я не знаю, что думать. Сама говоришь – вальнуть хотели. Тогда нужно предполагать, что тебя станут искать. Не они, так менты точно ищут. Слушай, – я вдруг встрепнулся. – А может, тебе к мусорам податься? А?

– Нет, нет! – она ужаснулась. – Ты что? У них защиту нашему брату искать бесполезно. Еще хуже будет!

– Мда-а... ты права. И не защитят, да еще и трахнут вкруговую на шару. Обидно. Ладно, давай собираться и уматывать отсюда. Схороню тебя в гостинице одной – глухомань редкостная. В ней первое время пересидишь. Там тебя вряд ли искать станут. А после решим, что дальше делать.

– Но я... я думала у тебя...

– Ты чего, подруга, совсем мозги прососала? – от такой мысли меня аж в жар бросило. – Каждая собака знает о наших с тобой отношениях. Не сейчас, так после ко мне и без того нагрянут. Давай-давай, вылазь. Дергать надо. Черт, и без машины еще. Пешком потопаем, за час дойдем. На такси

нельзя.

Что мне нравилось в Инге, так это ее полное подчинение в случае, когда она чувствует абсолютную правоту того, кому надо подчиниться, и делает это беспрекословно. Уже минут через двадцать мы шлепали по ночному городу, держась в темноте и часто озираясь вокруг. Прямо шпионы какие-то! Как я и предполагал, мы добрались к гостинице "Амур" за час с копейками. Инга выглядела вполне пристойно, все ее раны были скрыты одеждой и косметикой. Поселились без проблем (я назвал кодовое слово и дал прилично денег). Пообещал днем заглянуть, привезти еду и питье, а пока приказал строго-настрого – не высовываться и ждать.

– Жить хочешь?

– Дурак, что ли! Конечно, хочу.

– Тогда сиди в номере и носа наружу не кажи, ясно?

– Яснее не бывает.

– Ну ладно. Я пошел. Скоро вернусь.

Уже на выходе она окликнула меня.

– Даня!

Я обернулся.

– Спасибо тебе, – прошептала Инга, и это "спасибо" звучало искренне. Вот она – самая настоящая. – Не знаю, что без тебя бы делала...

... Я спал, как убитый (тьфу-тьфу-тьфу). Но спал недолго. Мои опасения подтвердились: зачирикала птичка, а за дверью стояли долгожданные работники уголовного розыс-

ка. По мою душу. Ну что ж. Придется Инге поголодать чуток. Заодно фигуру в полный порядок приведет.

– Воронцов Данила Сергеевич? – утверждающе-грозный голос.

– Он самый, – беспечно позевывая, ответил я, хотя на самом-то деле у меня внутри все сжималось и напрягалось.

– Городское управление внутренних дел, отдел по борьбе с организованной преступностью, капитан милиции Ивченко Сергей Сергеевич. Разрешите войти?

– Да, пожалуйста.

Началось! Ну, брат, держись! Вошли, не разулись, и принялись деловито осматриваться вокруг. Ничего, знаем ваши приемчики психологического давления. Уж будьте уверены, на меня они не подействуют.

– Хорошая у вас квартира, – деловито заметил капитан, на что его напарник лишь молча кивнул. – Работаете?

– Угу.

Я решил держаться просто, отвечать односложно, дабы не взболтнуть случайно лишнего, поэтому напустил на себя абсолютно пофигистический вид ничего не понимающего простачка. Ожидал продолжения беседы, но следователь внимательно посмотрел на меня, словно изучал каждую морщину на моей роже, а потом произнес:

– Собирайтесь, Данила Сергеевич. С нами поедете. Разговор у нас долгий и серьезный.

– Эээ... а по какому, собственно, поводу? – я ожидал по-

добного, но не столь скоро.

– А вот у нас и поговорим. Есть повод. И очень весомый, уж поверьте. Собирайтесь, собирайтесь, – последние слова он произнес как-то ласково, с нотками снисхождения в голосе.

– Так суббота ж. Выходной, как-никак.

– У вас?

– А у вас?

– Собирайтесь.

Ну что ж. Спорить далее было бессмысленно, а потому я подчинился воле закона, умылся, оделся.

– Я готов.

– Тогда поехали.

Ехали молча, но быстро. Молчание угнетало еще больше, нежели заковыристые вопросы следователя, и я по опыту знал, что это один из пресловутых ментовских приемов психического воздействия. Мрачное здание, мрачные и полутемные коридоры (экономия электричества), старый и обшарпанный кабинет с выдавшей виды мебелью и местами порванный, зеленого цвета, старый диван в углу.

– Берите стул, присаживайтесь.

Капитан Ивченко был вежлив, насколько позволяла служба, и даже какой-то равнодушный. Он не проявлял эмоций, говорил ровно и монотонно, в его глазах не было злобы или доброты, ненависти или приязни. В них была только деловая пустота и настойчивость опытного сыскаря.

Я повиновался, придвинул шатающийся, как корабль на волнах, стул и аккуратно опустил свой зад, боясь грохнуться на пол. В дверь тут же постучали и в проем сунулась огромная голова, наполовину лысая, с перебитым носом.

– Товарищ капитан. Разрешите?

– Входи. Ты с протоколом?

– Угу, – детина кивнул и, не обращая на меня никакого внимания, прокосолапил к столу своего начальника.

– Присядь. Я прочту.

Опер плюхнулся на диван. Несколько минут Ивченко елозил карандашом по листам бумаги и вдруг улыбнулся, но быстро стер улыбку с лица, придавая ему чуть грозное выражение.

– Ты мне скажи – в школе русский язык проходили?

– Проходили, товарищ капитан.

– Вот я и вижу, что когда в школе его проходили, то тебя там и рядом не было! Читаю: "...труп гражданки Розановой Ксении Валерьевны, проживающей по адресу..." По какому адресу? Как труп может проживать по адресу, а? Супрун?

– Так это...

– Что это? Исправить! Дальше, – следак повел пальцем вниз по бумаге. – Ага, вот: "...труп гр-ки Розановой К.В. был обнаружен в полусидячем (!) положении в состоянии алкогольного опьянения средней степени тяжести... глаза убитой смотрят вдаль...". Ты что, Супрун? Решил Пушкиным заделаться? Прямо целые поэмы верстаешь! В каком "полусидя-

чем", какая "даль"?

– Так это... она сидела, а когда ее по голове, то повалилось на бок... вот, – на лбу писателя выступила испарина.

– Что повалилось?

– Так это... известно что... тело потерпевшей.

– Твою мать, какой потерпевшей? – вызверился капитан.

– То есть, пострадавшей.

– Пострадавшей?! Супрун, страдают и претерпевают живые, а она жмур! Уяснил?

– Так точно! – он резво вскочил с дивана.

– Садись. А откуда ты слямзил эдакий поэтический оборот: "состояние алкогольного опьянения средней степени тяжести", а? Это что, побои тебе? И как ты это самое опьянение измерил?

– Плюс труп, – неосознанно вставил я.

– Чего? – Ивченко зыркнул в мою сторону. – Ах, да. Труп в состоянии алкогольного опьянения. Ты где так писать учился, Супрун?

Бедный опер был красный как рак и не знал, что отвечать, а потому виновато потупил взгляд.

– И как глаза убитой могут смотреть вдаль? На кой хер ты пишешь эту галиматью?!

– Я исправлю, товарищ капитан, – виновато пробубнил он

– Шагай. Исправляй. Сам вызову. На-а... Пушкин, мать твою за ногу!

Супрун буквально вылетел из кабинета, а я едва сдержи-

вал себя, чтоб не засмеяться.

– Это не смешно, Данила Сергеевич, – уже серьезно и так же ровно, как раньше, резюмировал капитан. – Поди, уже догадались о причине, по которой мы с вами тут мило беседуем?

– Догадался. Ксюшу убили? – и я изобразил знак вопроса на своем фейсе так, будто мне все еще не верить в происшедшее.

– Убили. Вчера вечером.

Я молчал.

– Не удивлены?

– Почему же, удивлен.

– Не видно. Где вы были вчера между 19.00 и 01.00 ночи этого дня? – он взял в руку ручку, пододвинул к себе лист бумаги.

– С друзьями. Отдыхали вместе.

– В клубе "Конго"? – прищурился.

– Да.

– Это ваше?

Ивченко достал из ящика стола мои документы.

– Мое. Только вот куртка подевалась куда-то.

– Она у нас. Вернем. Почему же вы ушли из клуба, оставив в нем куртку с документами?

– Вышел сигареты купить, они в клубе дорогие больно, – нашелся я.

– И?

– Вернулся, клуб пустой. Все закрыто, и куртки моей нет.

– А почему вышли без куртки? Холодно ведь еще по вечерам.

– Так думал по-быстрому. А пришлось пробежаться.

– Ясно. И факт отсутствия вашей верхней одежды не обеспокоил?

– Нет. Мне же сказали, что налетел "Беркут", всех забрали и вещи тоже.

– Положим, забрали не всех, ну да ладно. А где вы сигареты купили? И где они? Показать можете?

Вот я осел! Такой пустяк, и не додумать!

– Закрыто все было. Поздно, потому и не купил ничего.

– Так-так. Ясно. Мне вот иная картина представляется. Что вышли вы совсем не за сигаретами. Так ведь, гражданин Воронцов?

– А зачем? – и тут до меня начало доходить.

Он ведь думает, что это я мог Ксению привалить – время моего отсутствия может совпадать с временем убийства! И не скажешь ему, что отвалил я по-тихому, благодаря корешу Вовке из спецназа. Сплю товарища. А это распоследняя пакость.

– А-аа... вижу, соображаете! – довольно хмыкнул следователь. – И правильно. Лучше сразу признаться, и дело с концом.

– В чем признаться? – я подался вперед. – Не убивал я. Сами же знаете.

– Не знаю.

– У меня есть свидетели, которые подтвердят, что отсутствовал я всего-навсего не более 10-15 минут, а за такое время даже Освальд убийство не обтяпает, – уверенно произнес я, хотя до абсолютной уверенности мне было так же далеко, как арабу-смертнику до сострадания.

– Шибко грамотный? – Ивченко недобро прищурился. – Может, стоит тебя в камере подержать чуток, да профработу провести, чтобы не умничал, а?

Я взирал на него со спокойным безразличием, понимая, что иного мне не остается. Этот человек внушал опасение, он буквально источал какие-то волны, заставляющие испытывать страх. Я не сомневался, что все его подопечные рано или поздно кололись как грецкие орешки под сильным ударом молотка, но в себя я верил не меньше. Знал, что не расколуюсь, и то, что знаю, – не солью. Почему, спросите вы? Да потому, что уровень моего самоуважения и гордости был настолько высок, что я готов был стерпеть многое, лишь бы не ударить в грязь лицом, не уронить собственного достоинства и не попортить так тяжело зарабатываемый авторитет в этой сложной жизни. Мы некоторое время молчали. Я видел, что ему очень хотелось упечь меня в предвариловку, но отсутствие весомых оснований, кроме того одного единственного факта, что в период операции "Беркута" я отсутствовал в клубе и это время совпадало с приблизительным временем убийства Розановой, не давало ему полного права применить

ко мне задержание. Ведь он понимал, что все равно отпустит меня, потому что знал, – я не мог быть убийцей, ведь есть свидетели, которые подтвердят, что во время убийства я был далеко от того места.

– Сейчас мы поедem в морг. Мне нужно, чтобы вы опознали труп, – недовольно проскрипел капитан, поднимая свой милицейский зад со стула.

Разве мог я ему возразить?...

Глава 4

На этот раз мы ехали втроем на служебной машине, за рулем которой сидел молоденький паренек, видимо, таким образом начинающий свою незавидную карьеру в органах правопорядка. Минут через пять мы свернули с главной дороги на второстепенную, ведущую в объезд областной клинической больницы, и я скумекал, в какой именно морг мы направляемся. Как вы уже догадались, созерцать жмуров не входило в перечень моих любимых занятий, однако лучше покорно изучать дохликов, чем вызвать раздражение следователя и загреметь в каталажку на пару суток. Так и есть. Дорога привела нас к ржавым, настежь распахнутым воротам, минуя которые мы очутились во дворе больницы и, свернув вправо, шурша колесами, подкатили к зданию морга. Тихий теплый ветерок ласково щекотал лицо, где-то щебетал соловей, согреваемый нежными лучами солнца, и безоблачное небо над головой радовало глаз..., а вот другой глаз напрягался от того, что всю эту природную красоту приходилось ощущать вблизи отеля для покойников, что напрочь угнетало всю романтику внутри. Это одноэтажное строение выглядело ничуть не лучше тех самых ржавых ворот, которые мы только что проехали, длинное, как кишка, обшарпанное и мрачное, с серой шиферной крышей и местами разбитыми окнами. Выйдя из машины, мы направились ко входу, вошли

внутри – и я чуть в обморок не грохнулся от волны трупного смрада, резкого и едкого, в мгновение пахнувшего на нас. До конца дней не забуду этот сладковатый запах смерти. За свою шальную жизнь я успел повидать жмуриков, успел "насладиться" ароматами разлагающейся плоти, но то, что я увидел здесь, превзошло самые смелые мои впечатления и ожидания. В коридоре нас встречал невзрачный человечешко в серовато-белом халате, замызганном, как и само помещение морга. Такое впечатление, что здесь поработал грамотный маркетолог, создав некий брэнд под названием "Ляжмур" с отличительным корпоративным стилем – здесь все было серое, мрачное, пропитанное зловонием.

– Здравсьте, – вяло бросил сотрудник мертвецкой. – Вы из милиции? Нам только что насчет вас звонили.

– Капитан Ивченко, – следователь ткнул удостоверение. – Это со мной. Нам нужно провести опознание трупа предполагаемой гражданки Розановой, доставленной этой ночью.

– Да, конечно. Идите за мной.

Мы двинулись по коридору вглубь здания. Сладковатый запах с каждым шагом усиливался. Я не сдержался и чихнул. Гулкое эхо разнеслось по моргу, и я инстинктивно поежился. Представьте себе, что значит оказаться здесь ночью. Каково, а? Навстречу нам двигалась группа то ли врачей, то ли студентов-практикантов, один из которых причвакивал пирожок с абсолютно безмятежным видом, даже получал от при-

ема пищи удовольствие. И это в таком-то месте?! Воистину, выдержка славянских народов не имеет границ!

– У нас, к сожалению, маленькие технические проблемы, – на ходу, как бы невзначай прокомментировал трупных дел мастер. – В общем-то, пустяки. Так, ничего серьезного. Холодильник сломался.

– Какой холодильник? – спросил Ивченко.

– В котором содержатся тела. От того и запах чуточку неприятный.

Ничего себе "пустяки"! Я от этого чуточку неприятного запаха испытывал уж вовсе не приятные ощущения. Думаю, и мой вынужденный провожатый тоже. До извержения блевотины оставалось очень недолго.

– И что нам делать?

– Собственно, ничего. Носовые платки есть?

Ивченко покосился на меня с немим вопросом. Я пожал плечами.

– Чистый, – сказал он, вынимая из внутреннего кармана пиджака аккуратно сложенный палеозойской эры платок, постиранный когда-то бабушкой, и передавая его мне.

– Зачем?

– Известно зачем – нос затыкать, когда во внутрь холодильника зайдете, – наш медэксперт хохотнул, – который не работает. Мы пришли.

Перед нами была металлическая дверь цвета хаки, плотно закрытая, и, несмотря на это, пропускающая резкий трупный

смад наружу.

– Прошу, – открывая дверь, произнес он, приглашая жестом руки зайти в хранилище мяса отечественного производства.

А что делать? Выбора нет. Мы вошли. Черт, платок! Я дернул руку вверх и зажал что есть силы нос. Друзья мои, это нечто! Увиденное и унюханное просто невозможно описать, но я все же постараюсь. Во-первых, все тот же пресловутый запах: первое, о чем мне подумалось, когда я влез в этот супер-холодильник – сломанный никак не меньше нескольких дней, ибо кислорода в нем практически не было. Так, заблудившиеся молекулы O_2 пролетали мимо и также не понимали, что они тут делают, как и я. Едкая смесь ароматов разложения соответствовала всем нормам и законам биохимии. Я буквально не мог дышать, потому что вдыхать эту жуть было невозможно, а посему мне пришлось выскочить обратно в коридор и продуть ноздри.

– Эй, вы чего? – как ни в чем не бывало, заботливо поинтересовался наш серохалатный, находясь внутри холодильника как у себя дома. – Все в порядке?

– Какой, мать вашу, в порядке?! – выругался я. – Как вы здесь вообще работаете?

– Профессионализм и привычка, – пожимая плечами, резюмировал он.

Уголовных дел капитан так и не вошел следом, с трудом сдерживая свои эмоции. Было видно, что ему самому не по

себе.

– Воронцов, давайте быстрее.

Я кое-как продышался, набрал побольше воздуха в грудь, зажал нос платком и снова вошел, усиленно сражаясь с приступами тошноты и почему-то щуря глаза. А вот теперь, во-вторых: наконец-то моему взгляду предстала ужасающая по своей брезгливости и неряшливости картина, которую я запомнил на всю жизнь. Она прямо-таки высеклась в граните моей памяти. Практически вся площадь холодильника, приблизительно около 15 – 20 квадратных метров, представляла собой братскую могилу для скопища человеческих трупов. Они, трупы, лежали хаотично, друг на друге, сваленные в кучу, как какой-то мусор или отходы. И женщины, и мужчины, – все равно; кто умер только вчера, а кто лежит здесь уже довольно долго, – без разницы! Все полки, что были, сплошь забиты трупами, тела валялись на полу грудами, обнимая друг дружку, либо же просто лежа сверху, сбоку. Я видел много иностранных фильмов, где сюжетами проходили морги с встроенными в стену холодильными одностенными камерами, все вокруг выложено белой керамической плиткой, уборщица чуть ли не ежечасно моет полы, везде сплошная стерильность и порядок. А здесь? Полнейший отстойник! Гнойник, мать его! Я поежился, испытывая брезгливость и чувствуя, как к горлу подкатывает тошнотворный комок. Хоть бы не блевануть.

– Где? – хрипло выдавил я, хватая смрад маленькими

глотками.

– Во-о-он там, – ткнул рукой почти к самому верху патологоанатом. – Видите?

Я увидел. Стройное, сильно бледное женское тело, местами в трупных пятнах, голова слегка повернута к нам.

– И что?

– Ну-у... попробуйте опознать отсюда, а нет... Думаю, придется вам как-то взобраться наверх.

Совсем кретин, охерел!

– По трупам?

– Да.

– Ты, придурок, вначале этот еб...й холодильник почини, понял?!

– Воронцов! – гаркнул капитан. – Остынь!

Докторишка только тупо моргал глазами. А что он мог ответить на мою простонародную правоту?

– Это она? – спросил Ивченко.

– Она, – я пулей вылетел обратно, поближе к окну.

– Точно?

– Точнее не бывает.

Около минуты я прочищал ноздри, кашлял и мечтал о коньячке. Когда мы вышли из здания морга, свежий воздух показался мне райским блаженством, вдыхая которое, получаешь истинное наслаждение.

– Возвращаемся в отдел...

– На кой черт? Я ж вам говорю, что...

– Не ропщи. Бесполезно.

По глазам капитана я и так понимал, что бесполезно, но все же.

– Допросить надо. Протокол подпишешь, а там решим, что с тобой делать, Воронцов. Давай-давай, не спорь.

Я влез назад в машину и мы двинули обратно, в горот-дел...

...Арестовывать меня не стали. Видимо, даже среди ментов есть думающие и почти порядочные люди. Правда, вылез я из здания уголовки ближе к вечеру, зато в куртке и с документами. Пришлось только подписку о невыезде завизировать, ну да Бог с ней. Я никуда валить не собираюсь. А собираюсь к Инге. Она, горемычная, уже почти сутки без жратвы торчит! На то своя польза – стройней станет. Я понимал, что пронырливый следак мог приставить ко мне наружное наблюдение, но всю дорогу в такси от ментуры к магазину и потом ко мне домой я, как ни вглядывался, никого подозрительного не заметил. Однако данный факт еще не означал, что топтунов нет. Выждав немного времени, я то и дело выглядывал в окно, но под подъездом и в ближайшей округе никого не было. Только несколько припаркованных машин жильцов дома, которых я знал лично. Пора. Я взял пакет с продуктами и, как шпион, стал пробираться на крышу. Стараясь не шуметь, влез по чердачной лестнице, аккуратно отворил дверь и вылез из подъезда дома на родину голубей и воробьев. Все блоки дома, в котором я живу, были

соединены между собой, а потому мне не составило труда перебраться через парапеты на крышу соседнего подъезда, потом еще и выйти на улицу в другом месте от нахождения возможной слежки. Огляделся, нырнул во дворы и, петляя, двинулся по направлению к дороге, где поймал частного и велел ему ехать к вокзалу. Неподалеку от вокзала я вышел, снова поймал такси и уже таксисту назвал нужный мне адрес гостиницы. За мной слежки не было. Вот и славно! Добрался без приключений.

– Даня, сволочь! Ты где был?! Я же...

Я зажал рот Инги ладонью и затолкнул в номер.

– Молчи, дура, – прошипел я. – Чего разоралась? Если не было меня раньше, – значит не мог. Поняла?

Она кивнула, глядя на меня испуганными глазами.

– Смотри, какашку не вырони, – я улыбнулся. – Пока все нормально. Просто был все это время в мусарне.

– И что? – испуг все еще не покидал ее.

– Ничего. С подружкой твоей имел честь свидеться. Передал ей привет от тебя.

Глаза Соколовской округлились в недоумении. Я рассказал ей свое сегодняшнее мероприятие в обществе доброжелательных оперов и гостеприимных жмуров во главе с доктором.

– Даня, что делать-то? Меня ж тоже грохнуть хотели! Как думаешь, искать будут?

– Не знаю. Думаю, будут, – видя ее перепуганные зенки,

тут же добавил, – но не найдут. А там все порешаем, поняла? Не слышу?

– Поняла.

Пока она поглощала пищу, как раненный олень воду на водопое, я думал. Думал, думал... Черт! А что, собственно, думать? Над чем? Как я и предполагал ранее, а также неоднократно говаривал моей ветреной подружке, Ксюша таки втянула ее в блудняк, причем серьезный. Мокруха – дело тонкое, на нее не каждый пойдет, не каждый сможет оформить все как надо, и причина такому антисоциальному действию должна быть весомая. Если знать причину, можно понять и мотивы, и все остальное. Как там говаривали древние римляне: ищи, кому выгодно. Но кому? За что могут привалить? За деньги. Это бесспорно. За что еще? За информацию. Возможно, Ксюша что-то знала о чем-то или о ком-то. И эти знания, вопреки поговорке, стали для нее тьмою. Точнее, смертью. А Инга? Два варианта: либо же попалась под руку, так сказать за компанию, либо же также могла что-то знать. Мне почему-то казалось, что стибрить деньги или что-то еще ценное настолько, чтобы тупо гасить, они не могли. Спутали с кем-то? Возможно. Возникали еще вопросы, но самый главный среди них был исконно русский – что делать? Вот именно, делать-то что? С чего начать? Чем помочь моей безрассудной потаскушке? Банщик! Надо найти этого кретина, которого наверняка ищут многие, больше всех доблестные работники городской уголовки. Он точно может дать от-

правную точку, если его еще самого не приделали где-нибудь в темной подворотне.

– Поела?

– Угу, – пережевывая колбаску, ответила Инга.

На ее щеках проступил румянец, она заметно успокоилась и расслабилась.

– Теперь, подружка, давай поговорим. Выкладывай все.

– Что "все"? Даня, я вообще не при делах, я...

– Постой. Не таракти. Ты что, не въезжаешь? Ксюшу убили. Кто и за что? Тебя тоже наверняка хотят грохнуть. И снова: кто и за что? Знаешь? Вот и я не знаю. Поэтому рассказывай.

– Да не знаю я что рассказывать! Живу себе, никому зла не делаю, а тут... Кто бы мог подумать, что в такое говно вляпаюсь!

– Ты вроде не дура, а?

– Не дура, – согласилась она.

– А раз не дура, то включи соображалку – убивают за что-то серьезное, если только вы на маньячков не нарвались, которые гасят просто так, из спортивного интереса. А раз за что-то серьезное, то и надо напрячь память да вспомнить.

– Но я же говорю тебе...

– Ладно. Я задаю вопросы – ты отвечаешь. Вспоминай, с кем в последнее время трахалась? Или трахались с кем-то вместе с Ксюшей?

– Ну-у... сейчас... – она закатила глазенки кверху. – Были

несколько бизнесменов, ты их не знаешь. Так, ничего особенного. Обычные дядьки с деньгами. Потом Голиков, и... и все.

– А Ксюша?

– А я знаю? Вот с ней мы отдыхали с этими бизнесменами и с Голиковым, а где она шарилась сама, – я почему знаю?!

– Ничего не крали?

– Даня! – она деланно удивилась, укоризненно глядя на меня, словно сама святость снизошла на землю.

– Давай без театра. А то все прямо такие честные и принципиальные.

– Не крали, – фыркнула Инга. – Зачем красть? Нам и так прилично отваливали "зеленых".

– Какие разговоры вели? Может, чего подслушали ненароком?

– Да... нет. Не было ничего. Даня, ну правда! Я ведьать не ведаю, из-за чего все это!

– А в той бане раньше были?

– Один раз, но очень давно. Уж и не помню.

– Банщика тоже не знаешь?

– Неа!

– А подруга твоя не рассказывала, к кому едете, кто они, чем занимаются, откуда знает их?

– Говорила, что при деньгах. Раньше их не видела, новенькие клие... ребята то есть. Почти культурные...

– В смысле?

– Ну, говорили нормально, правда... Да, точно! – глаза Инги загорелись. – По фене один сказанул что-то, из-за чего Ксюха и предположила, что они из братвы какой-то, ну или где-то совсем рядом.

– А страшно не стало? – укоризненно помотал я головой. – Забыла свой последний "вертолет"?

– Не забыла, – слегка обижено буркнула она.

Пару лет назад моя беспечная подружка нарвалась на какой-то вечеринке на вполне благопристойного парня, мило улыбавшегося и скромно "поющего" сказки о том о сем. Ключнула, развести вздумала на деньги, он вроде как поддавался влиянию ее чар. С виду богатенький буратино. Потащил якобы к себе домой, а когда дверь открылась и она в полной уверенности, что паренек этот очередной лошок и послан самим провидением, вошла вовнутрь, то сразу стала как вкопанная: в просторной гостиной сидело кодро – человек этак двенадцать-пятнадцать, все бритые, как на подбор, а с ними дядька-бригадир, и все мило так улыбались, а улыбки их говорили "ну, подруга, распрягайся – парни в ожидании оргазма". В общем и целом, понеслось! По кругу да по разику, посидели и выпили. По второму да еще по разику, посидели и выпили. Благо дело выпили столько, что всех сморил Морфей, а Инга, не став дожидаться пробуждения да по третьему разику, трясущиеся от передозировки шальным сексом ноги в руки – и деру. Помню, она тогда с полгодика ходила словно девственница, слово "секс" слышать не могла, а

от потенциальных "лохов" шарахалась как от огня.

– Это все?

– Точно, все. Больше ничего такого.

– Все с тобой ясно, – недовольно проворчал я, вставая с дивана. – Хотя и на этом спасибо.

– Что ясно?

– А ничего не ясно! Мне необходимо понимать, что делать нужно, а я не понимаю! С чего начинать? То, что мокрушники, возможно, бандиты, конечно дает повод призадуматься, но я ведь тоже не Шерлок Холмс!

Она смущенно пожала плечами, потом вдруг лукаво улыбнулась, встала и подошла ко мне.

– Я знаю, с чего начать! – торжественно прошептала Инга. В моих глаза читался немой вопрос.

– Вот с этого.

И она прильнула ко мне, просовывая руку в штаны. И вот что ты будешь делать?...

Глава 5

...Признаюсь честно, об Илье Рыжем совсем забыл, но тут же вспомнил, увидев его машину перед своим домом. Было уже очень поздно и ждал меня этот крысеныш весьма долго.

– Наконец-то, – проворчал он, высовывая рожу из окна. – Думал, уж не дождусь. Покатаемся?

Я молча сел в машину, чувствуя огромную усталость и отрешенное безразличие, накатившее благодаря такому шальному дню.

– Не надо ехать. Тут поговорим. Окно закрой, – сказал я, запрокидывая голову на подголовник кресла.

– Давай информацию на клиента. Все, что знаешь.

Рыжий облегченно вздохнул, но тут же спохватился, и это меня вновь насторожило. Чего это он задышал сладко, будто в экстазе?

– Лимончик? – вежливо поинтересовался я.

– Чего?

– Рожа у тебя шибко довольная. Учти, дружок: будет подстава – я тебя найду, где б ты ни был, и на лоскутки разорву, усек?!

– Слышь, ты че? Я тебе...

– Умолкни, – оборвал я, и он заткнулся. – Я предупредил. А теперь выкладывай, да поскорей – устал я сильно.

Илья несколько секунд старался взглядом придать себе

опасное выражение лица, но потом попытки эти прекратил, сказал точный адрес терпилы и то, что знал о нем и о деле.

– Это все, – развел руками Рыжий, не сводя с меня испытующего взгляда.

– Лады. Не дуже много, ну да ничего.

– Когда сделаешь?

– Не скажу пока. Присмотреться надо, изучить все, тем более, что с ментами у нас вон какая завязка вышла, – я вкратце рассказал ему.

– Вот бл..дь!

– Ага.

– Побыстрей надо. Времени совсем нет. Слышь, Граф? Ускорься. Вы ж там все мастеровые – придумайте что-то.

– Ну чего ты ноешь? Я ж сказал – как смогу. А не устраивает что-то – ищи других.

– Ну ладно-ладно. Все путем. Ты только связь со мной держи да говори, что и как. Может помощь нужна будет.

– Может и нужна. Все. Пошел я. Спать хочу. Бывай, – я хлопнул его по плечу и вышел из машины.

Добравшись до постели, скинул с себя одежду и плюхнулся в кровать, мгновенно засыпая...

... Дружков моих попарили в предвариловке недолго. Проверили, что к чему, провели профилактические беседы и отпустили подобра-поздорову. Собственно, для нас подобное развлечение происходило не впервой, но, тем не менее, каждый новый раз влек за собой всплеск адреналина и массу

различных эмоций. Несколько дней я был предельно осторожен, все пытался обнаружить слежку за собой, а потом и за моими друзьями, но ее не было. И слава Богу! Хотя и странно, потому что на месте следователя я бы за собой уж точно следил. Инга по-прежнему отсиживалась в гостинице и уже начинала подвывать и капризничать от такого вынужденного затворничества. Не для ее разгуляйской душонки было такое времяпровождение. А я, как мог, успокаивал подругу, что лучше так, чем на небеса или в крытку, и успокоения эти заканчивались, как правило, бурным сексом. Надо же ей было девать куда-то накапливающуюся энергию? В принципе, как и мне тоже. Когда прошло еще пару дней, мы взялись отрабатывать клиента, которого нам подкинул Рыжий. Согласен, что рисковали мы вдвое больше обычного в связи с убийством Ксюши Розановой, но риск – благородное дело. И высокооплачиваемое (а если сука Рыжий нас обманул – ему крышка). Одновременно с этим моя голова прямо-таки раскалывалась от мысли, как помочь Инге. За что зацепиться, с чего начать, чтобы вытащить ее из этого дерьма. Кстати, я совсем запамятовал про банщика – его выловили из реки неподалеку от места работы. Экспертиза установила наличие алкоголя в крови, а так как следов насилия не обнаружено, то всем было выгодно списать его смерть на несчастный случай и простое совпадение событий. Интересно, капитан Ивченко придерживается такого же мнения? А с другой стороны, банщик – стопудовый висяк, так кому ж выгодно повышать

статистику нераскрытых преступлений? Я знал, что менты ищут мокрушников, а потому у меня в голове вертелись всего две идеи – подождать, кого отловят, или же переправить мою подружку куда-нибудь подальше из города, где бы ее уж точно никто не смог найти. И то и другое – довольно сложные задачи, особенно укатать жрицу пылкой любви, томящуюся в одноместном номере, полном тараканов, покинуть город и отвалить куда-нибудь в деревеньку к бабушке коров доить. Там бы опыта работы обеими руками и поднабралась бы. Отточила, так сказать, свое мастерство сдаивать беленькое. При всем этом, мне лезть с расспросами к держателям акций "парная, где мочат проституток" совсем не хотелось – засвечусь, и менты грузить начнут, и могут появиться проблемы с мокрушниками, которым может стать интересно, а кто этот умник, сующий нос куда не надо? А посему я для себя решил, что следовало пока сидеть тихо и не вылезать, да попытаться сбрызнуть Ингу куда подальше из города до тех пор, пока вся эта кутерьма не уляжется.

– Садится в машину, – заговорщицким тоном произнес Жила. – С водителем. Жирует!

– Завидуешь?

Мы уже около часа наблюдали за выходом из дома, в котором проживает наш подопечный, и вот, наконец, подъехал чистенький мерседесик, в который спустя полминуты впрыгнул господин Гайчук Станислав Игоревич, мутнорылый делец и хозяин ночного клуба "Аист". Как-то раз мы имели

честь парить свои зады в его богадельне. Так, ничего себе заведение. Вполне уютное и, можно сказать, шикарное. Но, что самое главное, тихое да скрытное.

– Уехал. Перед домом никого. Обычно тут на лавке бабульки висают, но сейчас пусто. Я пошел?

– Иди, – согласился я.

Петя Грэм небрежно выполз из авто и легкой походкой направился к дому, где была квартира клиента. Практика показывала, что ему достаточно около минуты внимательно изучить замки, дверь, наличие сигнализации и прочие возможные премудрости, дабы своими умелыми руками сработать любую хату. Правда, это касалось только внешней двери, за которой могла быть масса всяких иных штучек, и вот о них информацию необходимо было получать другим путем. Например, с помощью работников ЖЭКа, среди которых будет находиться Грэм, или как-то еще. И это "как-то" следовало придумать. Отсутствовал он недолго, так же непринужденно вышел из подъезда дома и зашагал в противоположную от нас сторону. Конспирация.

– Через минуту трогай, – сказал я, внимательно осматривая все вокруг. Тишина и спокойствие.

Валерка Жила повернул ключ в замке зажигания. Резкий визг, потом чихание двигателя.

– Слушай, ты щас своей консервой всю округу перебудишь! – я начинал злиться, понимая, что такие противные звуки привлекают внимание. – Сколько раз говорил – не

жлобись и почини.

Он, ничего не говоря, сделал ещё одну попытку – и на этот раз мотор затарахтел. Ехали молча: я продолжал оглядываться по сторонам, а когда удалились от нужного нам дома на приличное расстояние, позволил себе расслабиться. Остановились в заранее условленном месте и ждали Грэма. Все-таки мастеровой товарищ. Что б мы без него делали?

– Все не перестаю восхищаться его руками, – будто читая мои мысли, заговорил Валера. – Золотые руки у Петьки! И нервы.

– И пальцы, – задумчиво вставил я.

– Че? А, ну да. И пальцы тоже. Вот блин, совсем забыл!

– Чего?

– Помнишь, я про телочку одну рассказывал? Ну, в клубе, где нас повязали недавно? С которой я оторвался весело?

– Автолюбительница?

– Ага! Так я ж с ней договорился. Насчет подружек. Говорит, девчонки разрывные. Можно на вечер организовать. Ты как?

– Нормально. Звони, приглашай. На всех хватит?

– А то!

Грэм появился через минуту.

– Порядок?

– Полный. Дверь не помеха. Замки не из дешевых, но сработаю быстро. Теперь узнать бы, что там внутри, и можем приступать.

– Узнаем, Петя. Все узнаем...

Глава 6

...Наступил долгожданный для всех нас вечер. Валера Жилин не подвел и притащил в ресторан еще троих подруг, помимо своей ненасытной нимфы. Впервые за долгое время я смог по-настоящему оценить, что такое "судьба". Она Валеру на сей раз не миновала, и та встреча на дороге не произошла случайно: ведь все три девушки, с которыми нам сегодня предстояло шумно отдохнуть, были ну очень хорошенькие. Милые и красивые. Правда, либо кто-то из нас пролетит, либо одна на двоих. Но это тоже судьба! Ничего не попишешь. Я мельком посмотрел на враз охреневшие рожи своих корешей и едва заметно ухмыльнулся. Жила красавец! Мы чинно раззнакомились, культурно представились друг дружке, Боря настолько офигел, что готов был отвесить поклон и присесть в стиле "а-ля-франсе". После завершения официальной части приступили к легкой трепотне для налаживания контактов и формирования непринужденной обстановки. Подругу Валеры, ту, с которой он познакомился на дороге, с которой так славно переспал (если не врет, а судя по всему, говорит чистейшую правду), и которая подогнала этих распрекрасных девочек, звали Надя. Надежда! Красивое и многообещающее имя, что подтвердилось довольно скоро. На этом останавлиюсь чуточку поподробней. Дело в том, что я не даром оговорился о судьбе и придал такое зна-

чение имени Валериной нимфетки. То, что узнал чуть позже, навело меня на мысль уже не столько о судьбе, сколько о некотором провидении, снизошедшем на нас в нужное время и, в принципе, в нужном месте. Мои друзья пропустили все мимо своих ушей, что вполне естественно в ситуации, когда красивые лялечки оголили плечики, мило улыбаются и звонко хохочут даже на слово "трактор", если его произнести вслух. У всех у них в штанах зарождался вулкан Везувий, и каждый из них мыслями пребывал в уютной баньке с какой-нибудь из этих кисок в непристойном виде, позе и так далее. Только молчаливый и сообразительный Петя Грэм насторожился и многозначительно посмотрел на меня, но я и бровью не повел. А все дело в том, что в разговоре, кроме имени "Надя", среди прочей белиберды прозвучала и ее фамилия. Угадайте, какая? Правильно! Гайчук! Однофамилица, скажете вы. Я бы сказал то же, если бы, кроме фамилии, не было озвучено имя ее "суки мужа бывшего, кобеля дражного и редкостной гниды Стасика, который ни одну лярву мимо себя не пропускает и тащит их, падла, к себе в сауну". Вот так-то! Я сидел как на ножах, делал веселый и непринужденный вид, а сам уже вспотел от мыслей, роящихся в моей башке.

– Пойдем, перекурим, – бросил я Валере небрежно.

– Ты ж не куришь, – беспечно ляпнул он.

Вот кретин! Я шваркнул своей ногой по его ноге под столом и мило улыбнулся.

– Недавно начал. Пошли, компанию составишь другу.

– А-ааа..., – протянул он, уже захмелевший от выпитой водки.

– Мы не надолго, – я улыбнулся девушкам, они вежливо хихикнули в ответ, одна не выдержала и икнула, прикрывая рот рукой и кокетливо говоря "Ой!", отчего я понял, что можно не переживать – количество выпитого гарантировало полное отсутствие всяких домыслов с их стороны. Как и полное динамо будущего развратного секса.

– Хватит бухать, – шикнул я на Валеру, на лице которого застыла глуповатая улыбка.

– А че? Ты ж сам...

– Хватит бухать, – отчетливо повторил я. – Ты знаешь, кто твоя подруга?

– Э-эээ, братан! Так не пойдет, – он обнял меня за плечи и деловито качнул головой, причмокивая губами. – Она со мной, я с ней...

– Ты баран, Валера. Я спрашиваю не о том.

– А о чем? – его взгляд, без сомнения, взял бы гран-при на мировом конкурсе дебилов.

– Ее зовут Надя. Фамилия Гайчук. Ее бывшего мужа зовут Стас.

– И че? – он не врубался.

– Станислав Гайчук, – расставляя слоги, повторил я. – Ничего не напоминает?

Я видел, как его мозг борется с алкоголем, и вдруг в глазах

постепенно стало проявляться что-то наподобие понимания, а улыбка медленно сползала с лица.

– Да ну! – выдохнул он. – Не может быть! Она... она жена этого...

– Да, Валера. Судя по всему, она его жена. Только бывшая, но какое это имеет значение? И тебе придется правильно поработать, сечешь?

– Трахнуть как следует?

– Валера, ты осел. Трахай как хочешь, но разузнай мне все, что можешь. Только так, между прочим, не привлекая внимания, понял?

– Ик! Конечно, братик...

Браво! Он трезвел на глазах, и способность соображать уверенно возвращалась к нему.

– Правильно. Все. Она точно знает: где, что и как. И тогда нам не надо заморачиваться с каким-то театром, вроде работников ЖЭКа или Горгаза.

– Понял.

– Только аккуратней. Себя не спали.

– Ага. Ну-уу, это ж надо... совпадение какое!

– Идем. Нас заждались уже.

Мы вернулись к столику и продолжили накачивать лялек алкоголем для обеспечения полнейшего доступа к их сладким телесам. Баня была уже заказана на ночь, оставалось лишь докушать и допить, вызвать такси и махнуть к месту полнейшего Содома и Гоморры. К слову сказать, место это

было тихое, уютное и безлюдное. О нем мало кто знал, но там все было хорошо: большая парилка, бассейн, вмещающий человек восемь одновременно, три массажных кабинета с удобными койками и большая комната отдыха с мягким уголком и телевизором. Чистенько и аккуратненько. Правда, мебелишка староватая и выдавшая лучшие времена, но когда дела доходят до горизонтального положения тел, то всем наплевать на многочисленные трещины в кожаном обивке и пахнущие сыростью диваны.

А вот ресторан, где мы организовали эту прелюдию к более интересному и продуктивному отдыху, был среднего пошиба. Не особо раскрученный, цены умеренные, кухня и обслуживание терпимые, а обстановка почти всегда уютная и веселая. Интерьер располагающий, в стиле старой украинской хаты, со множеством всяких диковинных декораций, отображающих быт и культуру древнего украинского села. Находиться здесь было легко и приятно. Я наблюдал за нашими девушками, особенно – за Надей, которую обильно обхаживал не в меру учтивый Жила, проявляя невиданную галантность. Ничего не знающему человеку со стороны могло запросто почудиться, что парень безмерно влюблен и с минуты на минуту готов сделать предложение руки и сердца (тогда как на деле все куда проще – секс и информация, необходимая нам для взятия бастиона в виде трехкомнатной квартиры ее терпилы муженька). На минуту отвлекшись, я задумчиво бродил глазами по помещению кабачка, и тут

мой взгляд ненароком остановился на одной паре, сидящей в глубине зала и освещаемой лампой на стене, выполненной в виде керосиновой горелки. Парень и девушка. Он сидел ко мне спиной, а вот девушка – напротив него и, соответственно, прямехонько лицом ко мне. Я вдруг залюбовался ею, продолжая думать о предстоящем деле, но мысли эти стали постепенно тускнеть, а вместо них в мою черепушку заползали совершенно иные думы. Я принялся отчего-то более внимательно рассматривать ее, ощущая неизвестное пока чувство легкого томления и наслаждения. Сказать, что она была красива, это не сказать ничего. Она была просто потрясающая! В ней все было прекрасно, каждая черточка ее красивого лица была совершенна. И красота эта была естественна, а не создана умелыми руками визажиста-косметолога. Овальное лицо, обрамленное длинными прямыми волосами черного цвета, большие глаза, излучающие некую наивность и непосредственность, правильной формы полные губы и слегка заостренный маленький нос. Насколько я мог оценить, фигура девушки была восхитительной, движения рук плавные, улыбка настолько соблазнительная, что от одного ее вида внутри все переворачивалось. Я полностью отвлекся от гомона своей развеселой компании, сосредоточившись на созерцании идеальной красоты напротив меня. Я искренне позавидовал парню, сидящему рядом с ней и что-то рассказывающему своей очаровательной спутнице, обильно жестикулируя руками. Мне сильно захотелось оказаться

на его месте. Наблюдая за девушкой, я получал доселе неизвестное мне наслаждение, но вдруг спохватился и стал маскировать свой взгляд, дабы не показаться глупцом, таращась как баран на поле с травой после голодовки. Разговоров моего дружеского окружения я уже не слышал, сосредоточившись целиком на столике, за которым находился объект моего внезапного вожделения. Девушка, тем временем, внимательно слушала парня, иногда кивая, иногда улыбаясь (бог мой, эта улыбка могла заставить труп прочувствовать жизнь заново!). С каждой минутой обороты моего воображения, подкрепленные алкоголем, увеличивались, я уже представлял себя рядом с ней, представлял, как обнимаю и целую ее. Да что там! Я уже мысленно кувыркался с ней в постели. Может, проявить наглость и познакомиться? Прямо в присутствии этого везунчика? Не поверите, но я тушевался. Стеснялся, внутренне краснел, чувствовал непонятную боязнь и неуверенность. Не знаю, сколько времени прошло, но парень достал из кармана деньги, торопливо рассчитался с официантом, после чего они встали и ушли под мой сопровождающий взгляд, полный грусти и пустых надежд. Эх, красивая девушка! Таких не часто встретишь, а если встречаешь, то лучше принимать решение и действовать, а не так, как я – полный тюфяк, просидел да поглядел и сразу же сдулся, как подержанный воздушный шарик, при одной только мысли познакомиться. И не скажу, что испугался ее бойфренда. Он мне вообще до одного места. Но вот ее самой, ее реакции и

возможного последующего отказа я, откровенно говоря, испугался сильно. Самолюбие, знаете ли. Оно, задетое и униженное, могло меня впоследствии просто сжечь изнутри. Вот потому и не решился я подойти к девушке, хотя жутко хотел этого, и еще сильнее желал ее саму, что уже начинало настаивать. Еще раз с сожалением взглянув на опустевший столик, я грустно причмокнул губами и отвернулся, погружаясь в шумное веселье моей компании, которое требовало существенной смены обстановки.

Видя, что градус выпитого равняется градусу напряжения между ног, я скромно предложил поменять место дислокации и продолжить нашу увеселительную вечеринку в ином месте. Назвал место. Все поохотали, кое-кто уже многозначительно обменивался взглядами, и мы шумно, в полном понимании и согласии, покинули ресторан, сели в заранее вызванные Борей Пономаренко такси и махнули в баню. Доехали без приключений, так же шумно выгрузились из машин. Дверь в сауну нам уже открывал Миша, дежуривший этой ночью. Он помог нам внести все пакеты с провизией в комнату отдыха, выдал все полагающиеся в данном случае простыни, тапки, стаканы и тарелки, врубил легкую музыку и тихо ретировался, деликатно прикрывая за собой дверь.

– Ну что, красавицы! – заорал Жила. – Накатим – и в парилочку? А?!

Так и сделали. Накатили, и не раз, и... понеслась! Дабы не засорять эфир непристойными подробностями из жиз-

ни золотой молодежи полукриминального характера, оговорюсь лишь для тех, кто никогда не отдыхал по полной, – это был неопиcуемый разврат. Пьяные и голые тела, визг и хохот, бесконтрольный секс, переходящий в оргии уже не ради физиологического удовлетворения, а просто так, из спортивного интереса и желания пополнить опыт камасутры чем-то новеньким. Потом все повторяется заново: выпивка, парилка, бассейн и разврат. И так до утра, до полнейшего изнеможения и отключки в том месте бани и положении тела, где эта самая отключка тебя настигла. Мне иногда кажется, что очень часто я совершаю поступки, которые далеки от таких общечеловеческих понятий, как "мораль", "совесть", что воспитание мое оказалось не таким уж хорошим, в чем было больше моей вины, нежели ошибок моих родителей, которые при любом удобном случае напоминали мне об этом и сетовали на свою родительскую несостоятельность. Хотя я очень любил их, всячески пытался утешить, обнадежить, но, вместе с тем, никоим образом не менял стиль и особенности своей, каюсь, беспутной жизни. Да что там кажется, – я ведь и вправду с привычной легкостью нарушал всяческие нормы и правила хорошего тона, поведения в обществе, выбивался из общепринятых стандартов существования социума, соблюдающего законы и порядки, им же установленные. Но делал это по необходимости, старался не частить, отдавая себе отчет в том, что к хорошему моя авантюрная жизнь не приведет, и когда-то, не приведи Господь, все мои грехи

да вспомнятся и найдут меня. Чем чаще об этом задумывался, тем больше мне хотелось завязать, но я прекрасно понимал, что совершить это весьма сложно ввиду того, что поступки мои приносят неплохие финансовые дивиденды, и я получаю от этого удовлетворение. А последнее, уж поверьте мне, имеет куда большее значение, чем деньги. Можно сказать, я испытываю удовольствие от риска, мне нравится действовать нестандартно, и когда я совершаю поступок, — то чувствую, что живу. По настоящему, а не как какое-либо растение. И чувство это — самый сильный наркотик, с которого тяжело прыгнуть: ты можешь понимать, что сделать это необходимо, но воли совершить это попросту не хватает. И ты вновь принимаешь очередную "дозу" антисоциальных действий ради выброса адреналина в кровь, ради удовлетворения, ради того, чтобы ощутить жизнь целиком, по настоящему. Я в общем-то не считал себя плохим человеком, даже несмотря на все мои поступки, в большинстве своем негативные в чьем-то понимании, и в то же время покажите мне человека, который будет сам себе давать отрицательную оценку? Что он-де плохой тип и полный негодяй? Даже самые отпетые подонки, убийцы и маньяки склонны оправдывать свои зверства некой вынужденной необходимостью, суть которой — исправить человека и человечество, что само по себе не может не нести пользы и доброты в общество. Просто за это приходится платить дороже, например, ценой человеческой жизни. Уж такова психология таких вот

уродов и отщепенцев, но ведь и они считают себя положительными персонажами? А? Но я, прекрасно умея оценивать себя и других, уже давно сделал вывод: в мире нет только хороших либо только плохих людей, в каждом из нас присутствует и то, и другое. Такой себе духовный дуализм. Просто соотношение долей плохого и хорошего у каждого разное, оттого и есть в мире благодетели и достойные уважения люди, а есть подонки и сволочи, в которых доля того самого плохого зашкаливает за рамки некой допустимой нормы, и норму эту они контролировать не в состоянии. Я не исключение, и, слава Богу, у меня соотношение этих долей в пределах нормы, просто действия для достижения поставленных целей у меня выбиваются из норм приличий и правил, что отнюдь не должно характеризовать меня как антисоциального типа и подонка. А так я вовсе даже не плохой парень, со своими тараканами в голове, имеющий определенные жизненные принципы и позицию и привыкший неукоснительно им следовать. Я уже упоминал, что мысли эти меня посещают довольно часто, вот и сейчас, сидя в простыне на протертом диване в сауне, где мы устроили тотальный разврат, попивая крепкий и горячий зеленый чай, я вновь задумался о себе, о своих поступках и о воспитании, которое было дано мне моими родителями, которое я, в принципе, считал хорошим, а они нет (и в том винили себя, а я был им за него очень благодарен и при случае утешал как мог). Из душевой вразвалочку вылез Грэм, с довольной улыбкой на роже по-

чесывая пах правой рукой. Видимо, сеанс секса с одной из шлюшек был вполне достоин такого проявления чувств с его стороны.

– Садись, Петруха, – произнес я, хлопая ладошкой по дивану. – Чайку попьем.

– Уух, – он шумно плюхнулся на задницу. – Хорошо оттягиваемся.

– Нравятся девочки?

– А то! – он плотоядно ухмыльнулся. – Жила красавец. Не подвел!

– Че они там? Кувыркаются?

– Ага.

Я сделал глоток чая, думая, делать очередной заход в массажный кабинет али нет.

– Слышь, Граф! – вдруг сказал Петя, хитро щурясь. – Вот ты Граф. Вроде как голубых кровей...

– Сплюнь, дурак!

– Да не! Я не в том смысле. Ну ты ж дворянских кровей как-никак, а?

– И что?

– У тебя такие спокойные и высокомерные родители, умные и воспитанные. Цену себе знают. Гордые. Ты вот тоже должен быть таким... ну...

– Это каким же?

– Ну... недосыгаемым что ли. Воспитанным, культурным, моральным. Должен вот девушкам руки целовать, цветы да-

рять, стоя на одной коленке, потом жениться, а уже потом секс и наследники. Ну так? А вместо этого ты сидишь в бане полуголый и занимаешься полнейшим развратом. Это же должно претить твоим принципам, так? Тебе не стыдно?

– Петруха, ты перегрелся. В баньку больше не ходи и пить – хорош.

– Не, ну разве я че-то не то сказал. Ты же Граф? – разводя руками, бубнил он и сам же ответил: Граф. Так чего?

– Совсем охренел?! – я начинал злиться.

– Ты чего? Я ж серьезно.

– Петя, отвали со своими умными излияниями. На дворе 21-й век. Все меняется. Подзадрочить меня решил?

– Да ты не обижайся, – он улыбнулся. – Я ж так, пошутил просто.

Я промолчал, но должен признаться, его пьяное бормотание насчет моего второго имени и воспитания сильно задело меня за живое. Может, и впрямь во мне кровь голубая от именитых предков течет? Ну хоть чуток? Тряхнув головой, я хохотнул про себя и подумал о том, что тоже нализался водки, раз всерьез подумываю о таком. Но потом вдруг в мою башку совершенно резко и быстро вонзилась, словно стрела, дерзкая мысль: а почему бы и нет? Почему бы мне действительно не установить с точностью – кто мои предки? Действительно ли мы, наш род, берет начало (или продолжение) от знаменитого рода Воронцовых? И если так, тогда...? Тогда я и вправду графских кровей. А это уже серьезно. Это

гордо и принципиально. Моя грудь слегка выпятилась вперед, а подбородок от такой мысли приподнялся вверх, когда я размеренной поступью шагнул в массажку пялить одну из своих избранниц, пусть даже плебейского, так сказать, происхождения...

Погуляли на славу! Я кое-как под утро добрался домой, плюхнулся в кровать и продрых кучу времени, пока меня не разбудил звонок телефона. Сначала я подумал, что это звенит в моей одеревенелой голове, потом сообразил, что нет, еле поднялся с постели, взял трубку и что-то в нее пробубнил.

– Добрый день, Данила Сергеевич, – прозвучал в ответ знакомый и ровный голос капитана Ивченко.

– Зз...драсьте, – буркнул я, пытаюсь заставить мозг работать.

– Я вас разбудил? Простите. Мне нужно, чтобы вы срочно подъехали ко мне.

– Ээ-э... я себя...mmm... неважно чувствую, и...

– Ничего. Кофе у меня есть. Аптечка в отделе имеется. Так что жду вас. Чем скорее, тем лучше. Пропуск будет на вахте. Назовите фамилию и скажете, что ко мне. Вас проведут. – И он, не дождавшись моих неуверенных возражений, дал отбой.

Я тупо взирал на телефонный аппарат и слушал мерные гудки из динамика, стараясь сообразить, что ему от меня нужно. К чему готовиться? Ингу нашли? Еще кого-то при-

валили? Или меня прижать на признание хочет? Или что? Я был в растерянности.

Голова трещала по швам даже тогда, когда я подымался по лестнице на этаж, где был кабинет следака, в который меня вел постовой.

– Здравствуйте, Воронцов, – спокойно, словно плюнул, сказал Ивченко и махнул рукой в сторону стула. – Присаживайтесь.

Я кивнул и присел. И понял, это очень хорошо, что я ночью так нажрался – нервы мои еще спали под влиянием алкоголя, а равнодушие и пофигизм были составной частью тяжелого похмелья. Мне сейчас было по барабану все, и я забил на все, и на этого спокойного и нервирующего мента тоже забил.

– Тяжелая ночь? – внимательно изучая мой фейс, спросил капитан.

– Нормальная.

– Ну-ну.

Он опустил взгляд на бумаги, лежавшие на его столе, и продолжил что-то читать, не обращая на меня внимания. Я молчал. Так в тишине прошло несколько минут, прежде чем он, наконец, отодвинул от себя чьи-то письменные творения и откинулся на спинку кресла.

– Зачем вы мне солгали, Воронцов? Нехорошо.

– Солгал? – я изобразил искреннее удивление.

– Насчет вашей подруги. Инги Соколовской. Где она? – он

вдруг наклонился вперед и буквально врезался в меня своими колючими глазами, будто стараясь просветить все мое нутро словно рентген. Но, как я уже говорил, мне-то пофиг. Я ведь в состоянии тяжелого похмелья – есть все-таки Бог на свете!

– Я вам не лгал, – ровным голосом возразил я. – Вы меня о ней не спрашивали.

– Где она?

– Мне почем знать. Инга – девушка свободная, отчитываться предо мной не обязана. А что? – и я изобразил испуг. – С ней тоже что-то случилось?

– Не играй со мной, сявка бритая! – вдруг заорал он, отчего я невольно вздрогнул; слишком уж резкий перепад эмоций для него, да и для меня также. – Говори, где Соколовская, иначе упеку в камеру к пидорам! Там заговоришь! Там тебе дырку на всю жизнь растянут вместе с репутацией твоей бандитской!

Я промолчал, пожимая плечами. Неужели знает? Да нет, вряд ли. Если бы знал, что я ее упрятал, то наверняка бы уже знал и место, где сейчас кочурится моя подружка.

– Молчишь?

– Так сказать нечего, – ответил я, и голос мой прозвучал спокойно и уверенно.

Теперь замолчал капитан, изучая меня своими зенками. Я понимал, какие противоречивые мысли бродили в его башке, но вот на испуг ему взять меня не удалось, а для даль-

нейшей раскрутки у него просто не хватало информации. Он не мог меня прижать. Нечем. Пока. Им возобладало спокойствие, словно тот секундный всплеск эмоций не посещал его вовсе.

– Рассказывай все, что знаешь о гражданке Соколовской. Все, до мельчайших подробностей. Начинай с момента, когда видел ее в последний раз. Подожди. – Он поднял трубку телефона, набрал какой-то внутренний номер, кого-то позвал, а уже через минуту в кабинет впрыгнул тот самый "мент-сочинитель" с перебитым носом, которого он назвал в прошлый раз Пушкиным из-за творчески составленного документа.

– Пиши протокол, – бросил ему Ивченко.

Я кротко вздохнул, лихорадочно соображая, с чего начать и как не запутаться в словах. И начал. А начал с того дня, когда Инга зашла ко мне в гости, в пятницу, накануне нашего планового и шального отдыха в ночном клубе, где впоследствии произошла облава, вызванная убийством Ксюши Розановой, из-за которой я и встрял в этот блудняк. А дальше было проще. Дальше я излагал все, как на духу, в принципе, ничего не утаивая, а лишь опуская ненужные подробности. Рассказ Инги о том, что не так давно они сняли товарища Голикова Кирилла Борисовича, кандидата в мэры города и "отличного семьянина", я также упустил. Мужская солидарность, скажете вы? Хрен там! Просто не хочу навлекать на голову своей встрявшей в дерьмо подружки лишние бе-

ды-хлопоты. И мне они ни к чему.

– Это все?

– Собственно, да, – ответил я.

– Где она сейчас?

Блин, он что – тупой?! Я же отвечал ему на этот вопрос.

– Не знаю. Правду говорю. С того дня я ее больше не видел. Ее что...тоже...того?

– В момент убийства Розановой она была с ней, – как-то вяло сказал капитан. – После исчезла. Где она может быть? Ее родственники? Близкие друзья? Любовники? Вспоминай, Воронцов. Не выйдешь отсюда, пока все не расскажешь!

Хорошенькое дело! Мой мозг напрягся весьма серьезно. Похоже, этому следаку так и хотелось упечь меня в предварилку. Садист хренов! Самое паршивое было то, что я и вправду почти никого не знал из ближайшего окружения Инги, кромедохлой Ксюши и пожилой мамы, частенько прикладывающейся к бутылке с алкоголем. О чем и сказал вслух, понимая, – такой ответ вряд ли обрадует не на шутку разозленного мента. А потом началось! Он принялся методично меня допрашивать, задавая по многу раз одни и те же вопросы, но в различных интерпретациях, пытаюсь поймать на несоответствии. Всю душу вымотал, гад! Я пару раз и вправду запутался, но вовремя поправлялся, ссылаясь на головную боль и похмелье. У меня аж язык распух и глотка высохла от частых ответов, а в голове жужжало так, что рой ос позавидовал бы.

– Может, хватит, а? – не выдержал я. – Хотите меня в КПЗ оформить? Валяйте. Только я ни при чем, ничего не знаю, и больше ничего не скажу. У меня жутко голова болит, и вообще я пить хочу. Все. Баста!

Ивченко недобро зыркнул на меня, его большеголовый писарь вопросительно взирал на нас обоих, ожидая продолжения писанины, а я прокашлялся, чувствуя, как саднит иссохшееся горло.

– Ладно. На сегодня все. Подпиши и проваливай, – зло рявкнул капитан.

– Подписывать опасаясь, – осторожно промямлил я.

– Не понял?

– Вдруг ваш...ммм... коллега вновь накорябал чего не так. С ошибками да высоколитературными фразами. А подпись-то моя. Вот.

– Слышь ты?! – начал привставать "Александр Сергеевич". – Грамотный? Так я сейчас...

– Молчать! – гаркнул капитан. – Подписывай.

"Пушкин" дал мне ручку и пододвинул листы протокола допроса, взгляд его при этом выражал всю полноту нежных чувств ко мне.

– Вот здесь, – он ткнул пальцем. – "С моих слов записано верно, мною прочитано". Подпись ниже... ага... теперь здесь то же самое... и здесь.

Я как дрессированный кролик, не читая, подписал все, не оставляя пустого пространства между моей подписью и ка-

ракулями опера, дабы исключить возможность вписывания чего то нового уже после сегодняшнего милого мероприятия – знаем такие фокусы. Научены.

– В камеру? – спросил я.

– А хочешь? – спросил он

– Нет.

– Тогда дуй отсюда. Из города никуда. Вызову еще раз – пулей ко мне, ясно?

Я молча кивнул, посылая его про себя на три веселых буквы, и вежливо улыбнулся.

Эх, свобода! Я вышел из ментовки, стал на тротуаре и вдохнул свежий воздух промышленного города. Домой не хотелось. К Инге сейчас нельзя, придется ей потерпеть – заеду чуть позже, когда стемнеет. Надо друзьям позвонить. Собраться где-то, пива попить и о деле переговорить. Нашел ближайшую забегаловку, мягко уговорил дать мне позвонить, набрал оператора и скинул всем сообщения на пейджер, что встречаемся через час на старом месте. "Старым местом" было уже упомянутое ранее кафе "Акация", где мы частенько любили собираться от нечего делать. Я направился напрямик туда, не забывая быть внимательным и осторожным, опасаясь мусорской слежки. Но ее либо не было, либо я совсем окосел и попросту не замечаю "топтунов". Да и черт с ними! Я расслабился. В назначенное время и назначенном месте я оказался первым и прождал ребят еще около получаса.

– Че-то случилось? – спросил Вася Мультик, разваливаясь на стуле.

У всех рожи были опухшие, сонные, с отпечатавшимися складками подушек на щеках. Я невольно усмехнулся.

– Ну и хари у вас! Мечта художника-портретиста!

– На свою глянь, – буркнул Боря.

– Моя то куда лучше будет! В ментовке здоровье поправили.

– В смысле? – насторожился Жила, начиная просыпаться.

– В самом прямом, – и я вкратце изложил им ситуацию, упуская лишь тот факт, что я действительно схоронил Ингу в захолустной гостиничке.

– Хорошенькое дельце, – промычал Валера. – И че делать будем?

– Все то же, что и раньше, – ответил я. – Жить и веселиться. За мной вроде как не следят, а значит, ни в чем не подозревают, хотя и поугаили малость.

– Риск большой, – возразил Грэм. – Может, переждем?

– Ты прав, но ждать не будем. Полдела сделали, не оставливаясь же? И потом – слово дали. Какой бы Рыжий ни был, а за ним тоже люди есть, которым он обязан, и если мы сейчас соскочим – удар по репутации будет серьезный. Многие отвернутся. Считаться перестанут и уважать.

Все молчали. Думать пытались.

– Не дрейфить! – бодро произнес я, понимая, что Грэм прав на сто процентов. – Провернем красиво. Не впервой.

Валера, что у тебя?

– Много чего, – он многозначительно ухмыльнулся.

– Не тани, выкладывай.

Я как-то упоминал, что Валерка Жилин молодчага. Но оказалось, что он просто талант! Пусть и проявил его поздно, пусть только единожды, но зато вовремя и по необходимости. Пока он кувыркался с потаскушкой Надей Гайчук, сумел вывести у нее практически все, что нам было нужно о состоянии квартиры ее "кобеля драного Стасика". Как оказалось, она не живет там совсем недолго, они пару месяцев назад страшно рассорились на почве постоянных неприкрытых измен драгоценного супруга, на этом фоне и развелись. Как полагается, пронырливая барышня отсудила у муженька все, что могла отсудить, и благополучно переехала жить к подруге (она тоже этой ночью была с нами в бане, и это у нее на квартире Жила впервые удовлетворял изголодавшуюся бывшую женушку нашего клиента после случайного знакомства на дороге). Данный факт был нам на руку, ибо упрощал задачу со временем проникновения в квартиру, а также присутствием в ней нежелательных свидетелей. Валера не без удовольствия выкладывал нам информацию, купаясь в лучах восхищения, источаемых нашими зенками. Даже придиричивый и скрупулезный Петя Грэм не преминул удивиться способностями друга и одобрить его подвиг.

– Молодец, Валерка! – похвалил Мультик.

– Что б вы без меня делали? А? – он был весьма горд и

на высоте.

– Ты не зазнавайся почему зря, – осадил я. – Насколько вся твоя информация достоверна – мы не знаем. Вдруг барыга успел замки сменить? Или западлистую штучку какую-то ввинтить?

– Ты чего? Да она мне все без задней мысли выложила!

– И с задней, и с передней, Валера. Ты ж, поди ее с разных ракурсов имел?

– Да ладно, щас я буду вспоминать, чего вы ночью вытворяли! Она все это просто так рассказывала, ради поболтать. Я просто удачно на ее мозоль надавил, ну... насчет муженька, и она понеслась! Все выложила. Не сразу, порциями, но какая разница?

– Разницы никакой. Ты отлично сработал, но я бы все-таки проверил. Ты как? – я взглянул на Грэма.

– Выбор из двух составляющих: или верим на слово и рискуем, или же проверяем, подтверждаем и тоже рискуем, но уже гораздо меньше. Мне по душе второе.

– Мне тоже.

– И мне, – вставил Боря

Вася Мультик согласно кивнул головой. Он всегда согласен кивал головой, дабы поддержать большинство и тем самым не выдать свое отсутствие логического мышления. Жила развел руками.

– На хрена я тогда упирался?

– Чего ты обижаешься? Зачем нам рисковать по глупо-

сти? У нас есть нужная нам информация, в достоверности которой мы почти не сомневаемся. Просто ее нужно проверить и подтвердить. Если не проявлять осторожность, можно встрять по крупному. Нам это надо?

Все, в том числе и Валера, отрицательно покивали головами.

– Значит, принято. Старый сценарий?

– Ну да, – ответил Грэм. – Зачем выдумывать новое?...

Глава 7

...А старый и банальный сценарий заключался в следующем. Товарищи Гремов Петр Иванович и Ломовой Василий Леонидович тщательнейшим образом гримируются под слесарей ЖЭКа, дабы потом их рожи никто не смог опознать. Этим мнимым слесарям мы штампуем ряд нужных и красивых бумажек, представляющих собой полную туфтеню, но демонстрирующих неискушенному жильцу всю серьезность подхода, – начиная от удостоверения и заканчивая выписанным нарядом на работы по текущему ремонту сантехсистем в подвале дома. Поджидаем, когда наш клиент дома и никуда не собирается уезжать (и важно, чтобы время его нахождения в квартире было исключительно рабочим, а иначе что же это за работники жилконторы такие, которые в нерабочее время ремонты чинят?). После этого "слесаря ЖЭКа" тихонечко проползают в подвал, перекрывают нужные вентиля и останавливают подачу холодной воды в квартиры дома. Одновременно с этим товарищ Жилин Валерий Степанович спускается в колодец, где проложен телефонный кабель на нужный нам дом и благополучно перерезает его, чтобы ретивые жильцы не могли дозвониться в ЖЭК и поинтересоваться, отчего нет воды в доме. Добавить к этому и нашего клиента, который может выкинуть фортель и также позвонить в ЖЭК, чтобы проверить, делают ли текущий ремонт труб в

подвале али нет. После этого "сантехники" с самыми лучшими намерениями звонят в дверной звонок нужной нам квартиры, дверь им открывает товарищ Гайчук Станислав Игоревич с вопросом "Че надо?". Ответ с самыми вежливыми улыбками на лицах: "Мы такие-то, плановый ремонт сантехсистем и коммуникаций в подвале вашего дома, обследование стояков в квартирах, вот удостоверения, вот наряды... и так далее. Пустите, пожалуйста, необходимо осмотреть трубы, краны и всякое такое". Пожимая плечами, что-то ворча себе под нос, он пускает наших мастеров, которые входят не спеша, конечно же разуваятся, причем тоже медленно, дабы успеть осмотреть все вокруг и запомнить. Ну а дальше идет "проверка" труб и съем информации путем внимательного осмотра Петей помещения и откладывания в недра его фотографической памяти нужных данных для беспроблемного проникновения в квартиру товарища Стасика в отсутствие самого Стасика. Все мероприятие занимает от силы минут сорок, после чего наши друзья удаляются, заверяя при этом хозяина квартиры в том, что все отлично, краны и трубы в полном порядке, сейчас дадут воду и всего вам самого наилучшего, чем искренне изумляют барыгу, который не привык к такому учтивому общению с сантехниками. Затем они быстренько вползают в подвал, открывают вентили и чинно проваливают пешим ходом прочь от дома. А телефонный кабель восстанавливают уже работники телефонной компании, предполагая, что диверсия эта не что иное, как очеред-

ной наркоманский налет. Собственно, так и произошло на самом деле, и, как мы и ожидали, информация Валеры Жилина полностью подтвердилась. Правда, при этом Грэм выявил еще парочку приколов из серии системы защиты квартиры от воров и хулиганов, о которых сексуально озабоченная Надя не поведала нашему герою-любовнику. И если бы не этот поход в качестве работников ЖЭКа домой к Гайчуку, то при нашем проникновении в его квартиру мы бы могли круто залететь. Жила понял свою ошибку, убеждаясь в очередной раз – "доверяй, но проверяй". Теперь дело за малым: обработать все, что нам известно, составить план, рассчитать все наши действия во времени и расписать их по ролям, назначить дату проведения операции (Рыжий уже задолбал, подгоняя нас) и начать.

После удачно проведенной рекогносцировки я сослался на неотложные дела и отвалил, предупреждая всех, что вечером обязательно увидимся. Самым главным на этот час неотложным делом была моя подружка Инга, которая начала меня откровенно утомлять своим нытьем и истериками по поводу ее временного заточения в этом клоповнике. Согласен, место – не фешенебельный отель, – тараканы вальяжно пробегаются даже при свете, – зато тихое, скрытое от посторонних глаз заведение, куда редко кто заходит, и о котором мало кто знает.

– Ты сама виновата, – устало говорил я. – Сама встряла в блудняк, а теперь воешь! Чего разнылась? Надоело сидеть?

Вали куда хочешь! Только потом ко мне не прибегай. Я тебя знать не знаю. С будущими жмурами как-то не по себе общаться.

Она сразу же внимала таким моим прямым и незамысловатым доводам, утихала, правда, на время, и оправдывала свое поведение нервным напряжением, скукотой и однообразием.

– Я тебе книги приносил. Читай.

– Какие книги, Даня? – она искренне удивлялась, будто я какую глупость сморозил. – Это ж ты у нас воспитанный, царских кровей. Ты и читай. А я их со школы терпеть не могу.

– Дворянских, – угрюмо поправил я.

– Чего?

– Да ничего! Если бы книги читала, глядишь, и мозгов бы прибавилось! Тогда бы не спуталась с охладевшей своей подругой.

– Даня!

– Да иди ты! – моя подопечная начинала раздражать меня своим примитивизмом; и как я раньше его не замечал? – Ксюша, поди, тоже не читала? Вот и прохлаждается теперь в морозилке, как пломбир. Ладно. Сиди и никуда носа не суй. Ясно? Только выползешь отсюда – считай все. Нет тебя. Пирожки на похоронах твоих жрать будем! Я, например, с вишнями люблю.

Ее глаза округлились от вновь испытываемого страха, а

я еще и поддал для большего эмоционального подъема, так сказать:

– Банщикадохлым из воды выловили.

Она вначале ничего не уразумела, а потом инстинктивно прижала руку ко рту.

– Официальная версия: бухнул много, свалился в воду и утоп, грешный, – я намеренно говорил спокойным и чуть издевательским тоном, чтобы моя подружка прониклась полнотой ощущений. – Но мы-то с тобой понимаем, что его приделали. Верно ведь? Сваливать тебе из города надо. Отсидеться в глуши. А когда все уляжется, то и вернешься отдохнувшей и поумневшей. Понимаешь?

– Но... куда ж я... Даня! – она была на грани очередной истерики. – Я боюсь!

– Знаю, но это единственный верный выход. Другого нет. Есть куда уехать?

– Меня найдут, – прошептала Инга. – Меня все равно найдут.

– Никто не найдет, – прикрикнул я. – Кому ты нужна? Точнее, кому-то и нужна, но если затихаришься где-то далеко, то поищут да перестанут. Сечешь? А там все уладится. И я помогу.

– Тетка у меня на Западной Украине. Может, к ней?

– Вот! Отличная идея, – я облегченно вздохнул. – Я тебя соберу, ты только список вещей напиши, и отправлю. Никто и знать не будет, где ты. Связь наладим. Отсидишься там,

воздухом горным подышишь.

Пока она автоматически кивала головой в знак согласия, я торопливо распрощался и отвалил, про себя возмущаясь такой непосредственностью и ограниченностью Инги, одновременно чувствуя некую облегченность от принятого решения.

Глава 8

Возвращаясь поздним вечером от нее домой, совершенно уставший и разбитый, я всю дорогу ломал голову над тем, как ей помочь и что делать дальше. Вполне очевидно, что так долго продолжаться не может, и надо было предпринимать какие-то меры. Моя заблудшая подружка уже буквально выла от однообразия и переживаемого страха за свою шкуру. Еще чуть-чуть, и ее мозги не выдержат. Может, плюнуть на все и рискнуть сказать о ней ментам? Сам-то я уж точно терялся в догадках, кому нужно было привалить сучку Ксюшу, а теперь и Ингу. В том, что ее ищут с целью примочить, я нисколько не сомневался. Но, увы, я не следователь и не знал, что делать, где искать. Было прохладно, я поежился. Дойдя до дома, я вошел в подъезд и увидел перед собой целую ораву малолеток, размещавшихся кто где. Кто под лестницей, кто сидел на батарее, словно курица на жердочке в курятнике, кто просто на ступеньках. Они о чем-то оживленно разговаривали, а когда вошел я – сразу притихли, как по команде, и уставились на меня с выражением некоего опасливого ожидания в глазах. Я вдруг понял, что это те самые сволочишки, подложившие мне под порог дерьмо в бумаге, которое я "успешно" тушил ногой.

– Ну что, сучата! – вкрадчиво, почти что с упоением от предстоящей расправы проговорил я. – Чьи дебилные мозги

придумали хохму с говном?

Я успел произнести только эту фразу, как они бросились врассыпную. Точнее, все помчались вверх по лестнице, ибо выход на улицу загораживал я. Не ожидая такой прыти, я все же успел прихватить парочку хмырят, сидевших на батарее, а потому оказавшихся в менее выгодном положении, чтобы драпануть.

– Хрен свалите, – прошипел я, крепче сжимая их тощие ручонки и дергающиеся тела, которые пытались вырваться. – Сейчас я вам говнецо-то в глотки и позапихиваю. Вместе и посмеемся. Да?

– Дяденька, отпусти! – взревел один из пойманных. – Это не мы, это все Славка. Мы даже не участвовали! Честное слово!

– Кореша сдал? Нехорошо.

– Ну пожалуйста! Мы же ни при чем! – завопил другой. – Не бейте!

Странное дело, но мне совсем не хотелось применять силу. Более того, ну пошутили. И что? Я тоже в детстве много чего вытворял. Даже похлеще, чем эти детки-конфетки. И правда, не бить же их за это? Я держал мальцов за руки, как нашкодивших учеников в школе, видел их неподдельный испуг в глазах перед ожидаемой расправой, и совершенно не представлял себе, что делать дальше. Просто отпустить? Уважать не будут. Потом, того и гляди, всю дверь говном перемажут и меня в придачу. Дать в глаз? Так малые еще. Жал-

ко. Да и не солидно как-то мне, здоровому и взрослому парню, шкетов бить. Лучше дам им пару затрещин для профилактики, пригрожу со страшным выражением лица – на будущее – и отпущу куда подальше. Им достаточно и этого для полного осознания своей вины. А там и всем корешам своим передадут о предупреждении, как полагается. Подумано – сделано. Вкинув их в угол, откуда им не свалить от меня, я отписал мальчикам весомые подзатыльники и, склонившись над ними, глядя в их перепуганные глазенки, страшным голосом пригрозил отмудохать до потери сознания, ежели такая хохма еще когда-либо повторится.

– И дружкам своим передайте: урою гадов! Все ясно?

Они часто закивали, потирая ушибленные места.

– Валите на хрен отсюда! И тут больше не тусоваться. Увижу – челюсти повыворачиваю.

Два раза повторять не пришлось. Секунда – и их как ветром сдуло. Мне же оставалось только подняться в квартиру, принять душ и завалиться в кровать, что я и сделал. Когда моя голова коснулась подушки, я мгновенно вырубился, наблюдая всю ночь какие-то беспорядочные, сумбурные и абсолютно бессмысленные сны, среди которых мне очень часто виделось лицо той девушки из ресторана – она улыбалась, а ее прекрасные глаза светились наивностью...

Проснувшись утром, я сел в постели и помотал головой. Тяжелые сны, в которых основное место занимал образ красавицы. Все чаще и чаще меня донимали мысли о случай-

но увиденной прелестнице. Я со страхом стал понимать, что начинаю влюбляться, а ведь даже имени ее не знал! И смотрел на нее всего лишь единожды – на протяжении нескольких минут. Ее образ уже несколько раз являлся мне во сне, теперь я думаю об этом прекрасном создании уже и наяву, моделируя в своем сознании различные ситуации, когда мы вместе, наслаждаемся друг другом, наслаждаемся жизнью. И эти картинки, продуцируемые моим воспаляющимся воображением, были восхитительны! Ну что я мог с собой поделать? От рождения я был весьма влюбчивым парнем. Мог быстро влюбиться и так же быстро остыть к предмету своего вожделения. Правда, сейчас, когда ты уже зрелый молодой человек и в тебе играют первобытные чувства самца, – заставить себя разлюбить становится не так то просто. Для этого, как минимум, нужно покорить свою избранницу, овладеть ею в полном смысле этого слова, а уж после потерять интерес, потому что все, что так настойчиво требовал внутри тебя самец, ты исполнил, а дальше оставались лишь неинтересные будни и, не дай Бог, обязательства. Именно обязательства, которые зачастую напрягают, от которых я бегу, словно от черта, ибо для чего иметь дополнительную головную боль, если тебе вполне хватает всех остальных проблем? Но беда в том, что нынешняя моя неумолимо зарождающаяся влюбленность была сильнее всех остальных, испытанных мною ранее, и плюс ко всему – я не мог удовлетворить самца внутри меня, так как даже не был элементарно знаком с девушкой

и не имел возможности это сделать. Я пытался включать силу воли, старался придушить нарастающее чувство, отдавая себе отчет, что это самый лучший, быстрый и легкий путь к духовному выздоровлению, нежели тешить себя сладостными иллюзиями, распалять и дальше свое разыгравшееся воображение. Однако попытки мои пока что терпели полное фиаско, я, наоборот, продолжал все чаще думать о ней, боясь потерять черты ее лица в своей памяти. После я стал все-раз рез раздумывать над тем, чтобы найти ее и познакомиться, но тут же робел, словно первоклассник на линейке, от одной только мысли, что нужно будет подойти и заговорить. А потом я совершенно случайно вновь увидел ее. В институте, где учился сам! Судьба? Тьфу ты, напасть какая! Делать-то что? Поддаться овладевающему моим сердцем чувству или включить все свои волевые ресурсы и постараться выкинуть ее из головы? Честно говоря, я не знал: мой разум твердил "забыть", тогда как душа убеждала в обратном. Ну да ладно. Сейчас уж точно не время принимать решение. Сейчас о другом думать надо. О деле. Что я, собственно, и сделал, позвонив Грэму и назначив ему встречу в парке для обсуждения деталей предстоящей операции по опустошению жилья нашего клиента.

Почему в парке? Потому что тамлюдно, можно прогуляться, и никому до тебя дела нет. Мы гуляли долго, около двух часов, не единожды проговаривая план мероприятия до мельчайших деталей, продумывая все риски и возможные

пути их решения. Петя был толковым парнем, его голова работала не хуже рук, которыми он буквально-таки чудеса творил. Я и он были мозгом нашей компании, любое действие, любую работу мы планировали вдвоем, после чего посвящали в уже разработанный детализированный план наших друзей. Они могли посмотреть на него свежим взглядом, высказать свое мнение, и если оно было не лишено смысла, тогда мы вносили соответствующие коррективы. За домом, в котором проживал Гайчук, мы установили постоянное наблюдение, расписав смены и график. Выясняли распорядок дня. Каково было мое удивление, когда Петя сообщил, что со вчерашнего утра мы "пасем" этот подъезд не одни. Автомобиль "Лада", девятая модель, бежевого цвета, номерной знак "5335 ДП" с двумя мордovorотами внутри. На ментов не похожи. "Надо бы пробить", – сказал он, и в его голосе звучала озабоченность. У меня был один хороший знакомый в ГАИ, через которого я и проверю, что за машина и кто хозяин. А пока пусть все движется по плану, ничего менять и останавливаться на полпути не будем. Признаюсь, меня также насторожила эта информация, однако отступать от дела я не желал, и тому были причины. Возможно, кому-то они могли бы показаться незначительными, однако я воспринимал их иначе. Во-первых, мы с Рыжим обо всем договорились, и я дал слово, а если я дал слово даже такому прохвосту, как Ильюшка, – это крепче бетона, иначе пострадает мое имя и мой авторитет. Во-вторых, я же прекрасно понимаю, что

он в этой схеме не один, за ним люди, наверняка достаточно весомые и уважаемые, которые спросят с него. Рыжий, естественно, переведет стрелки на меня – и ку-ку! Здравствуй, проблемки! А они мне не нужны, тем более, что за мной мои друзья, которых я не мог подставить и за которых держал ответ. Вот так-то. После прогулки под весенний шелест оживающих деревьев мы с Петей расстались, договорившись, что каждый еще раз продумывает все от начала и до конца, после мы встречаемся снова и окончательно утверждаем план действий.

...Был уже поздний вечер, но я знал, что Боря зависает в пивнушке неподалеку, а потому, сев в свою наконец-то отремонтированную машину, рванул прямо к нему. Выпить бокальчик пива перед сном, успокоить разыгравшиеся нервы после визита к моей встрявшей в дерьмо подруге было просто-таки естественной необходимостью. Я припарковался прямо возле входа в генделик, еще раз внимательно осмотрелся, но никого из вероятной слежки не обнаружил. Вот и славненько. Войдя в помещение, я вдохнул ароматы этой малоблагопристойной забегаловки, которые соединяли в себе запахи пережаренной пищи, кислого пива и соленых огурцов. Вкушая эти прелести своим носом, я нашел глазами друга и сел напротив.

– Пожрать заказывал?

– Так... салатик да мясо с картошкой, – ответил Борька, чьи глаза уже немного блестели в полумраке от выпитого пи-

ва.

– Ладно, я тогда тоже закажу.

– Ты чего такой смурной? Случилось что?

– Нет. Все нормально. Устал, наверное, – не рассказывать же ему про Ингу?

Не подумайте превратно: я доверял Боре, как доверял и остальным своим близким друзьям. Просто не нужно им знать об Инге во избежание каких-либо случайностей или нелепостей. Всякое может быть.

– Новости слышал? Последние?

Я напрягся

– Про мокруху в бане? Ксюша?

– Нет. Про Фрола с Даудом?

– Не слышал. А что там?

– Кажись, вражда меж ними не по-детски разыгрывается. Воевать они по ходу собираются! – Боря произнес эту новость с особым удовольствием, понимая всю ее важность и значимость.

А новость эта действительно была очень важной. И вот почему. Речь пойдет о той стороне нашей жизни, куда так мечтают попасть многие молодые парни, окрыленные романтизмом приключений и жаждой легкой наживы, но откуда практически нет выхода. И если ты слабак либо оступился, то жизнь твоя уже ничего не стоит. Я говорю о мире, где доминируют свои законы, именуемые в народе "понятиями", где существует правда силы, но никак не сила правды, где в

почете личный авторитет, где существует четкая структура и иерархия, где проблема решается очень просто и быстро, и если для этого нужно заплатить чьей-то жизнью, то это никого не останавливает. На языке закона этот мир именуется преступным. И весь парадокс нашего общества заключается в том, что настоящие хозяева города, решающие его судьбу, как и судьбы его жителей, собственно говоря, и являются яркими представителями этого самого преступного мира. Наиболее весомыми из них как раз и есть господа Фролов Степан Игнатьевич, именуемый в воровских кругах "Фрол", и Дауд Амиров, молодой и дерзкий авторитет. Начну с первого. Итак, Фрол. Пожалуй, среди всех воров-законников города он является самым авторитетным, сильным и наиболее жестким, а зачастую – жестоким, когда того требуют обстоятельства, однако сам по себе он эту жестокость старается контролировать и не допускать ее проявлений без весомых на то причин. В этом стоит отдать ему должное. Он никогда не принимает решения поспешно, склонен все взвесить и обдумать, и только потом действовать. Ему было около 50-ти лет, зону он топтал трижды, и короновали его во время отбывания второго срока, что происходило еще во времена СССР. После распада державы Фрол очень быстро сориентировался и создал свою империю. Его финансовые и материальные ресурсы росли как на дрожжах, он подмял под себя большую часть города, бизнесменов и промышленников, и другие авторитеты откровенно боялись и уважали его. Прак-

тически все, кроме Дауда Амирова. Но о нем чуть позже. Фрола уважали и за пределами его владений, он имел серьезные связи в столице и даже за пределами государства, в том числе и среди представителей высших эшелонов власти. Ни для кого не было секретом, что он водил дружбу и с ментами, многие из которых кормились с его рук, а самые нужные даже продвигались по службе с помощью соответствующих рекомендаций и прошений со стороны Фрола. Короче говоря, свои щупальца он запустил куда только мог, будь то доля в предприятии или заводе, либо же участие в политической жизни города, а возможно, и страны в целом. Дойдя до вершины реальной власти, он стал предпринимать шаги по легализации своей империи, что давалось нелегко, ибо в спину все равно дышат конкуренты из представителей амбициозной молодежи, с которыми следовало вести борьбу, зачастую не совсем этичную. А посему часто вспыхивали определенные конфликты, которые разрешались с помощью силы и оружия. Но со временем их становилось меньше, а в городе поспокойней, так как все понимали, какой властью и авторитетом наделен Фрол, и никто не хотел проверять эти его достижения на прочность. Никто, кроме Дауда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.